

Только ради тебя

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Кэти М. Ди

18+

Кэти Ди

Помню ради тебя

<https://litres.ru/74000051>

SelfPub; 2026

Аннотация

Жизнь Алексии Поповой разделилась на «до» и «после».

Сегодня она — тихая, немногословная отличница, находящая утешение лишь в уединении и книгах. Её университетские будни подчинены строгому правилу: фиксировать каждый шаг, эмоцию и встречу. Толстый личный дневник стал её единственным спасением, ведь из-за тяжёлых последствий травмы память Алексии способна стереться в любой момент. Стоит ей потерять бдительность, и вся её личность рискует превратиться в глухой белый шум.

Но судьба готовит для неё новое, куда более изощрённое испытание. Девушка оказывается в эпицентре ожесточённого противостояния между двумя совершенно разными мужчинами. Ей предстоит пройти через изнурительную битву не только за право любить, но и за право помнить себя.

Кто окажется рядом, когда маски будут сорваны? Вспомнит ли она всё, чтобы вовремя отличить истинное спасение от очередного ножа в спину? Ведь когда разум рассыпается на осколки, сердце остается единственным ориентиром, который невозможно обмануть.

Содержание

Приветствую тебя, дорогой читатель!	4
1.	6
2.	31
3.	46
4.	66
5.	80
6.	100
7.	129
Конец ознакомительного фрагмента.	153

Кэти Ди

Помню ради тебя

**Приветствую тебя,
дорогой читатель!**

Перед тем как ты откроешь первую главу и погрузишься в историю Алексии, я хочу честно предупредить тебя о том, что ждёт на этих страницах.

Эта книга — настоящий подарок для преданных поклонников классического и эмоционального *любовного треугольника*.

Главной героине предстоит пройти через изнуряющий лабиринт чувств, где ей придётся делать сложный выбор между двумя совершенно разными мужчинами. Она будет ошибаться, сомневаться, постоянно путаться в собственных мыслях и воспоминаниях.

Если вас утомляет сюжетная неопределённость и затяжная сложность в отношениях персонажей, возможно, эта история покажется вам слишком тяжёлой и нудной.

Важное предупреждение:

В книге присутствуют **сцены категории 18+**.

Если вы не любите подобный контент, я рекомендую воз-

держаться от чтения.

Но если вы готовы вместе с Алексией искать спасительный якорь и собирать разбитую память по кусочкам — добро пожаловать в нашу историю!

1.

Алексия

С самого утра наш дом напоминал растревоженный улей. Солнечные лучи едва пробивались сквозь кружевные занавески моей комнаты, а мама уже суетилась вокруг огромного чемодана, стоявшего посреди ковра. Она безумно мной гордилась, и эта гордость переполняла ее настолько, что маме нужно было постоянно находиться в движении.

Сегодня она — впрочем, как и в любой другой день — выглядела невероятно домашней и уютной. Длинный шелковый халат нежного персикового цвета мягко шуршал при каждом шаге. На ногах красовались любимые туфельки-тапочки с забавными пушистиками на пальцах. Тёмные волосы она наспех собрала в небрежный пучок на макушке, а на переносице чуть съехали вниз очки в тонкой оправе.

— Даже не знаю, как тебя отпускать, Алекса... — в десятый раз за утро повторила она, охая.

Мама в очередной раз присела на край моей заправленной кровати, тяжело вздохнула и принялась оглядывать комнату в поисках какой-нибудь забытой вещи. В этот момент она попыталась запихнуть в уже трещащий по швам чемодан еще один тяжелый том Джейн Остин.

— Мам, ну перестань, — я мягко улыбнулась, забирая у нее книгу и аккуратно укладывая ее между свитерами. — Вы

с папой приедете в Москву уже через месяц на бизнес-форум. О чем переживать? Всего четыре недели.

— Четыре недели в этом огромном, сумасшедшем городе, — покачала она головой, но спорить не стала.

К тому же, мама прекрасно знала, что я еду не в пустоту. Огромным плюсом моего переезда было то, что я буду жить с тетей Таней.

Тетя Таня — мамина родная сестра и по совместительству моя крестная. Она была удивительным человеком. В отличие от моего отца и его окружения, крестная являлась абсолютной противницей богатой жизни, роскоши ради статуса и фальшивого лоска. Кто-кто, а она точно знала толк в настоящей жизни, ценила искренность и умела радоваться простым вещам. Жить с ней в ее уютной московской квартире на окраине было моей давней мечтой.

Был и еще один удачный момент: муж тети Тани, дядя Сережа, работал как раз в Высшей школе экономики — том самом универе, куда я с таким трудом поступила сама. Он преподавал там высшую математику, так что в плане учебы я чувствовала себя в относительной безопасности.

На пороге появился папа. Несмотря на раннее утро, он уже был в безупречно отглаженной белой рубашке, хоть и без галстука. Настоящий хозяин строительной империи, чье лицо редко выражало мягкость. Но сейчас его глаза смотрели на меня с грустной теплотой.

Он подошел ближе, аккуратно взял мою ладонь и вложил

в нее тонкий пластиковый прямоугольник — безлимитную черную карту своего банка. После этого он строго, по-деловому посмотрел на меня сверху вниз.

— Ты сама сказала перед сборами, что можно взять только по одной вещи от каждого из нас, — ровным, не терпящим возражений голосом произнес он. — Я считаю это очень значимой вещью, Лекса.

— Па-а-п, — простонала я, закатив глаза и чувствуя, как к горлу подступает ком от его упрямства. — Ну ты опять за свое? Я же просила: никакой финансовой помощи. Я хочу сама.

— Даже не спорь, родная, — папа мягко, но настойчиво сжал мои пальцы, заставляя удержать карту. — Тебе как-никак нужны будут разные тетрадки и ручки на учебу. Лишним не будет. Ну, или купишь себе кофе в какой-нибудь подворотне.

Он забавно подмигнул мне, явно намекая под словом «подворотня» на какой-нибудь запредельно дорогой ресторан с авторским меню. Папа искренне не понимал, как можно добровольно отказаться от комфорта, который он выстраивал годами.

Я не удержалась и тихо рассмеялась, пряча карту в самый дальний карман рюкзака. Спорить с Кириллом Поповым было бесполезно — проще было согласиться, но просто не трогать эти деньги.

— Ладно, — улыбнулась я, поправляя лямку рюкзака. —

Но поверь, пап, мой кофе в переулке будет продаваться на соседней улице с универом. А то и прямо в самом универе, в заведении под гордым названием «**Буфе-е-ет**». За тридцать рублей из автомата.

Папа лишь притворно вздохнул и покачал головой, а мама, стоявшая позади него в своем персиковом халате, тепло улыбнулась. Мой бунт против их роскоши казался им милой детской блажью.

— Вот за это я тебя и люблю, — папа тепло улыбнулся и крепко поцеловал меня в макушку. — Всё сама. Прямо как я в молодости, когда приехал в этот город с одной копейкой в кармане.

— Знаю, знаю, — со смехом отозвалась я, крепко обнимая его в ответ и утыкаясь носом в плечо, пахнущее дорогим парфюмом и табаком. — Ты засунул эту копейку в башмак на удачу, сдал экзамены, получил диплом и кучу возможностей. А потом вложил её на карту. И теперь вместо копейки там миллионы.

Эту историю его успеха в нашей семье знали наизусть. Папа действительно поднялся с самых низов, и где-то глубоко внутри он гордился тем, что я унаследовала его упрямый характер, хоть и выражалось это по-своему.

— Именно, карамелька, — папа потрепал меня по плечу, используя мое старое детское прозвище, от которого на душе всегда становилось теплее.

Весь оставшийся день мы провели дома, вместе.

Мы сидели на нашей уютной кухне, ели невероятно вкусный мамин вишневый пирог и без конца болтали. Папа, отложив в сторону свой вечно вибрирующий рабочий телефон, увлеченно рассказывал о своих личных приемах и хитростях учебы. Он жестикулировал и на ходу набрасывал на салфетке схемы, которые, по его мнению, железно помогли бы мне выжить на суровом первом курсе бизнес-дела.

— Милая, не слушай его бизнес-тактики! У тебя своя прекрасная голова на плечах, — рассмеялась мама, поправляя съехавшие на нос очки. Она ласково приобняла меня за плечи, и от нее пахло выпечкой и домашним теплом. — Просто будь собой. Это твое главное оружие.

— Вот поэтому ты и домохозяйка, — с доброй усмешкой проговорил отец, переводя взгляд на маму. — Тактика — это важно. У тебя всегда должен быть план Б. Особенно в огромном городе.

Я послушно кивнула, соглашаясь. Тут папа был абсолютно прав. А с моей извечной любовью зависать в книге и напрочь забывать обо всем вокруг, проезжая нужную остановку, мне определенно нужен был не только план Б. Мне нужен был еще и план В, Г, Д и, пожалуй, добрая половина алфавита в придачу.

К 21:00 родители наконец посадили меня на поезд. С моими двумя огромными чемоданами все это выглядело так, словно они выпроваживали меня навсегда. Проводница понимающе улыбнулась, помогая затащить этот неподъемный

багаж в тамбур.

Я прильнула к прохладному стеклу окна. Мама и папа стояли на перроне и махали мне так долго, пока не закончилась платформа. Я одновременно смеялась и плакала, глядя на то, как папа — солидный, строгий бизнесмен в дорогом костюме — бежит за набирающим ход вагоном, вовсю кидая мне воздушные поцелуи, а мама смеется рядом и утирает слезы краем платка, который успела захватить из дома.

В этот момент до меня наконец дошло. Мне 18 лет. Я покинула свое теплое, уютное родное гнездо. Позади остался тихий город, родительская забота и детство. Стуча колесами по рельсам, поезд уносил меня в ночную темноту, где впереди неоновыми огнями горела Москва. Меня ждала совершенно новая, взрослая жизнь.

Рано утром поезд со скрипом затормозил, и я наконец приехала в город. Проводница, ставшая за эту ночь почти родной, всё так же любезно помогла мне спустить мою тяжелую ношу на перрон. Пожелав мне огромной удачи, она тепло улыбнулась и вернулась к своей работе.

А я осталась стоять на платформе. Вокруг меня бурлила утренняя Москва. Люди спешили, толкались, куда-то бежали. Я растерянно таращилась на огромный, гудящий, как улей, вокзал и абсолютно не понимала, что делать дальше и

куда вообще идти. В этот момент столичный масштаб впервые меня по-настоящему напугал.

— Леська! — вдруг громом посреди перрона прозвучал знакомый, родной голос.

Я резко обернулась. Дядя Сережа, широко улыбаясь, уже уверенно шел в мою сторону сквозь толпу.

— Ну, привет, Пятачок! — добродушно проговорил он, крепко меня обнимая, а затем сразу же забирая из моих ослабевших рук огромные чемоданы. Он приподнял их, оценивая вес, и удивленно присвистнул. — Вижу, родители вообще не скупилась на вещи!

Дядя Сережа весело рассмеялся, ведя меня в сторону при вокзальной парковки.

— Нам под твой багаж, кажется, придется выделять отдельную комнату в квартире.

— Думаю, добрую половину оттуда можно будет смело продать, — заговорщически прошептала я, инстинктивно оглядываясь, словно мама могла услышать меня прямо из дома

— О-о, а вот и первые бизнес-мысли пошли! Настоящие инвестиции! — подмигнул мне дядя Сережа, укладывая чемоданы в багажник своей машины. — Поехали скорее. Есть, наверное, хочешь с дороги? Полина еще дрыхнет, конечно, но уверен — когда вы обе проснетесь, визга и писка в доме будет много!

Полина была моей двоюродной сестрой, дочкой тети Тани

и дяди Сережи. Мы не виделись больше года, и я безумно соскучилась по ее вечной болтовне.

Пока машина дяди Сережи пробиралась сквозь утренние московские пробки, я смотрела в окно на монументальные сталинские высотки, проспекты и бесконечные потоки машин. Город медленно просыпался, залитый бледным солнцем. На душе становилось спокойнее. У меня был план. У меня была поддержка. И я была готова к этой новой жизни.

Войдя в квартиру, мы с дядей Сережей тихо разулись в коридоре, стараясь не шуметь. На цыпочках пройдя мимо закрытой двери спальни, я шепотом призналась, что с дороги меня невероятно клонит в сон. Мы договорились, что я посплю еще немного, а уже потом мы все вместе дружно позавтракаем. Дядя Сережа понимающе кивнул. У него самого выдалась тяжелая неделя в университете перед началом семестра, поэтому он тоже сразу пошел спать.

Я наощупь выудила из верхнего кармана чемодана свою любимую пижаму, быстро переоделась и тихонько плюхнулась на огромную кровать в комнате Полины, аккуратно пристроившись с самого края. Сестра даже не шелохнулась, уткнувшись носом в подушку. В комнате пахло лавандовым кондиционером для белья и утренней прохладой. Стоило моей голове коснуться простыни, как мягкая московская тишина укутала меня. Я даже не заметила, как провалилась в глубокий, сладкий сон.

И мой прекрасный сон, конечно же, длился недолго. Его

безжалостно разорвал оглушительный, восторженный визг.

Не успела я даже сообразить, где нахожусь, как в следующую секунду на меня сверху с размаху рухнуло мягкое, теплое и до безумия родное тело сестры. Полина навалилась на меня всем весом, накрывая лавиной одеяла и своих растрепанных светлых волос.

— Лекса-а-а! Приехала-а! — вопила она мне прямо в ухо, со всей силы сжимая меня в объятиях так, что у меня перехватило дыхание. — Наконец-то! Вставай, соня.

— Поль, я не спала всю ночь, безумно переживала. Можно мне поспать? — жалобно пробормотала я, пытаясь натянуть одеяло обратно на голову.

— Конечно, нет! Сегодня последний день перед учебой! Ты бы еще первого сентября приехала, капуша! Я ждала тебя неделю назад, — возмутилась она, усаживаясь по-турецки прямо на моей половине и скрещивая руки на груди.

— Знаю. Мама очень переживала, меня и так еле отпустили.

— У богатых свои причуды, — с усмешкой проговорила Полина свою любимую фразу, которую она всегда использовала, когда речь заходила о бизнесе моего отца.

— А я? Бедная среди богатства? — сонно пробормотала я, приоткрывая один глаз.

— Нет, ты просто тупая, — беззлобно фыркнула она, и в этот момент дверь в комнату с тихим скрипом открылась.

На пороге появилась тетя Таня. На ней были простые до-

машинные брюки и фартук, а в руках она держала деревянную лопатку, от которой пахло чем-то невероятно вкусным.

— Поля! Ну что ты сестре говоришь? — укоризненно покачала головой крестная. — Она так-то младше тебя, ты защищать ее должна, а не обзывать с утра пораньше.

Тетя Таня мягко прошла вглубь комнаты, присела на край кровати и ласково поцеловала меня в макушку.

— Привет, Пятачок. С приездом, родная.

Я улыбнулась. Это прозвище они с дядей Сережей дали мне еще в раннем детстве, потому что я была забавным пухлым ребенком, а мой нос тогда казался круглым, как пяточок поросенка. Но годы шли, я выросла, и, к моему огромному удивлению, детская пухлость ушла, а нос превратился в мое главное достоинство. Теперь он был абсолютно ровным, аккуратным, точеным — ни к чему не придерешься.

Чего нельзя было сказать о Полинке. У нее на переносице красовалась небольшая, заметная горбинка. Сестра всегда с каким-то странным восторгом и гордостью хвасталась подругам, что ей «поломали нос в драке» еще в средней школе, когда она заступилась за какого-то мальчишку. Ну, а я, как любящая младшая сестра, всегда подтрунивала над этой ее историей, напоминая, что тот мальчишка в итоге сбежал с ее куклой.

— Мам, она младше меня всего на четыре месяца, а мозгов у неё — словно на четыре года меньше! — Полина картинно всплеснула руками, продолжая свой утренний допрос.

— Вот скажи мне, Алекса, зачем ты притащила с собой полчехомодана книг русской классики? Что, в Москве в библиотеку сходить нельзя? Или вот, пожалуйста!

Сестра с победным видом дотянулась до полки и выудила оттуда увесистый том в темной обложке, который я успела увидеть, — «Преследуя Аделин»! Ну классика же, а?! Шедевр мировой литературы!

Я лишь устало закатила глаза.

— Тёть Тань, ты видела, что она читает? — я обернулась к ней за поддержкой.

— Видела, Лесь, видела, — улыбнулась тетя Таня. — У меня самой, когда я в её комнату заглядываю, чуть глаза на лоб не укатываются. У неё же все стеллажи в таких книгах! Кого приличного в гости ни приведи — это же позор!

Мы все втроем дружно рассмеялись на всю квартиру.

— Ой, кто бы говорил про позор! — Полина шутливо пихнула маму локтем в бок. — А сама-то? Кто на прошлой неделе стырил у меня «Бога злости» и три дня не отдавал, прикрываясь проверкой моих домашних заданий?

Тетя Таня весело рассмеялась, даже не пытаясь отпираться, и погрозила Полинке деревянной лопаткой.

— Короче, ты давай, избавляйся от этого дерьма, сестра, — безапелляционно заявила Полина, швырнув «Аделин» обратно на кровать.

— Полина-а-а! — грозно протянула тетя Таня, скрестив руки на груди.

— Кхм, — сестра деланно кашлянула, ничуть не смутившись, и продолжила: — В общем, читай вот эти.

Она с гордостью ткнула пальцем в свои собственные стеллажи, где стройными рядами стояли современные молодежные романы и мрачные бестселлеры.

— Я потом лично у тебя зачёт принимать буду! Поверь, с этим в Москве куда интереснее. Потому что в книгах написано одно, а вживую по городу ходят такие муда...

Договорить это прекрасное слово Полина так и не решилась. Она резко осеклась под тяжелым, предупреждающим взглядом матери.

— Ну, в общем, ты меня поняла, — подмигнула она мне, тихонько хмыкнув.

— Так, всё, завтракать! — скомандовала крестная, заставив нас с Полиной мгновенно притихнуть.

Я послушно встала с кровати, до сих пор немного красная — то ли от душившего меня смеха, то ли от упоминания тайных читательских грехов сестры. Тетя Таня уже дошла до дверного проема, как вдруг резко обернулась и шутливо навела на меня указательный палец.

— И да, Лесь. Еще раз меня «тетей» назовешь — я самолично повешу с балкона фотку твоей голой задницы в пятилетнем возрасте. На радость всему двору.

— Тет... — я тут же осеклась на полуслове, испуганно прикрыв рот ладонью под победный хохот Полинки. — Тань, ну это вообще нечестно!

— Всё честно, — хмыкнула она, поправляя фартук. — Бабушкой меня еще назови. Мне сорок лет, а не шестьдесят! Я еще слишком молода для всех этих ваших «тетя». Девочка еще, ромашка полевая!

Она задорно захихикала и наконец ушла в сторону кухни, откуда уже вовсю тянуло божественным запахом жареных сырников. Я посмотрела на сестру, та — на меня, и мы снова покатались со смеху.

Квартира крёстной оказалась потрясающей. Просторная, залитая мягким утренним светом сталинка с высокими потолками, где дышалось на удивление легко. Хоть комнаты и были обставлены совсем недорогой, простой мебелью, здесь не было и капли той давящей серости, которой я так боялась в спальнях районах Москвы. Наоборот, интерьер укутывал уютом благодаря нежным пастельным оттенкам стен: кремовому, пудровому и цвету бледной лаванды.

Планировка здесь была очень интересной. Комната Тани с Сергеем выходила окнами на противоположную сторону дома — в тихий, зелёный сквер, где шумели тополя. А вот просторная гостиная и комната Полинки смотрели как раз на сторону подъезда, позволяя наблюдать за вечно спешащим московским двориком. Прихожая уходила вглубь длинным, забавным коридорчиком с аккуратными полками для обуви и огромным зеркалом в старинной раме.

Сердцем же дома была огромная кухня, совмещённая с гостиной. Именно здесь, на стыке двух зон, стоял большой

круглый стол, покрытый льняной скатертью. Тетя Таня всю хозяйничала у плиты, и по квартире плыл сумасшедший аромат домашних сырников и свежесваренного кофе.

Я сидела на широком диване в гостиной, поджав под себя ноги, и лениво перебирала пальцами бахрому пледа. Полина устроилась рядом, всё ещё задорно ухмыляясь после маминной угрозы с балконом.

— Ладно, Лекса, — Полина посерьёзнела, заглядывая мне в глаза. — Если без шуток. Ты вообще готова к Вышке? Папа говорит, у них там на «Бизнес-деле» конкурс бешеный, а контингент — сплошь детки министров да нефтяников. Сломают ведь твою романтическую натуру.

— Не сломают, — тихо, но твёрдо ответила я, вспоминая слова отца о плане Б. — Я приехала учиться, а не дружить с золотой молодежью.

— Ой, я тебя умоляю! — Полина картинно закатила глаза, откидываясь на спинку дивана. — Там такие красавчики учатся, ты себе даже не представляешь!

Она забавно поиграла бровями, намекая на старшекурсников Вышки. Я не удержалась и ехидно прищурилась:

— А я смотрю, тебя туда не взяли, и ты теперь меня решила добить своими рассказами?

— Я в медицинский, вообще-то, поступила! — гордо заявила сестра, вздернув свой нос с горбинкой. — Буду людей спасать, пока ты там свои графики чертишь.

— О-о, вот это ты умница, — я с улыбкой придвинулась

ближе и крепко прижала её к себе за плечи. — Будешь мне давление мерить перед дипломом, когда у меня крыша поедет от макроэкономики. А в старости — магнезию колоть. Договорились?

Мы снова дружно рассмеялись на всю гостиную. В этот момент из кухонной зоны донесся звон тарелок. Крёстная уже накрыла большой круглый стол: посреди него высилась горка золотистых, пышущих жаром сырников, стояла пиала с домашним вишневым вареньем и исходил паром свежесваренный кофе. Дядя Сережа, сонный, но довольный, уже устроился на своем привычном месте, поправляя очки.

Мы пересели за стол и принялись за завтрак. Мы болтали, перебивая друг друга, смеялись над Полинкиными историями из приемной комиссии и мамиными персиковыми тапочками. В этот момент внутри меня разлилось удивительное чувство абсолютного покоя. Мы сидели и смеялись так естественно, как будто всегда здесь сидели, словно я никуда не уезжала из своего города, а просто перенесла свой маленький уютный мир в эту огромную московскую сталинку.

— Серёж, раз у тебя сегодня выходной, свози девочек по городу, — крёстная отставила пустую тарелку и ласково посмотрела на мужа. — Покажи Лесе дорогу, как добираться до универа. Прости, милая, — она перевела взгляд на меня, — но иногда тебе всё же придётся ездить на метро либо на автобусе. Сергей иногда рано уезжает на кафедру в другой институт.

— Всё нормально, — я тепло улыбнулась, успокаивая её.
— Я ещё дома изучила маршрут и посмотрела, какие автобусы ездят. Тут на автобусе всего двадцать минут, а на метро — десять. Пешком, если что, минут сорок через переулки. Всё супер, не переживайте.

— Это хорошо, — крёстная одобрительно кивнула и тут же победно посмотрела на дочь. — Видишь, Поинка? Она уже всё выучила, хотя только-только приехала. А ты за всю жизнь не можешь запомнить, как до соседнего ларька дойти!

— Ой, мам! — Полина забавно отмахнулась сырником.
— Это она просто наше московское метро ещё в глаза не видела. Там заблудиться можно на раз-два, особенно на переходах в центре. А автобусы у нас вообще конченные! Берут и просто мимо остановки проезжают, хотя ты ждал их тридцать минут в лютый мороз. Москва, что сказать, — пожалала она плечами, отправляя кусочек в рот.

Я дождалась, пока крёстная отвернется к раковине, наклонилась ближе к сестре и заговорщически шепнула ей на ухо:

— У меня вообще-то есть права. И папа через месяц обещал пригнать мне машину.

— Правда?! — вскрикнула Полина на всю кухню, округлив глаза от восторга. Дядя Серёжа даже поверх очков на нас глянул. — Мерседес?!

— Чего? — я не выдержала и прыснула со смеху. — А что сразу не лимузин с водителем? Обычную малолитражку, чтобы по вашим пробкам лавировать.

— Ладно, пока машины нет, у меня есть идея получше, — Полина затеребила меня за рукав пижамы, заговорщически понизив голос. — Кстати, у Марата из соседнего подъезда есть байк. Мощный такой, чёрный! Можно попросить его, он тебя без проблем довезёт прямо к крыльцу. Он, между прочим, тоже будет учиться в Вышке. Только я направление его забыла... Кажется, что-то тоже с управлением или логистикой связано.

— Марат? Это тот самый, который в шестом классе об твой воротник козявки вытирал? — со смехом уточнила я, вспоминая его редкие визиты к нам в город.

— Да-а... — Полина картинно закатила глаза, подпирая щеку ладонью. — Но он изменился! Вообще уже не тот ботан, который был. Красивый стал, на байке вот гоняет. Правда, зазнайка тупой.

— Полина просто призналась ему в любви в девятом классе, а он при всех сказал, что у неё изо рта луком пахнет, — проговорила крестная.

— Так это был он?! — я удивленно округлила глаза, а в следующую секунду захлебнулась еще более громким хохотом. — Тот самый «принц на белом коне», из-за которого ты три дня подушку слезами топила?!

— Дураки вы все! — вспыхнула и по-детски возмутилась Полина, надув губы. Она обернулась в сторону отца. — Папа! Ну хоть ты скажи им! Я жду защиты!

— Милая, ты абсолютно права! — тут же поддержал дочь

дядя Серёжа, весело подмигнув Полинке и уверенно тянясь вилкой за очередным румяным сырником. — У твоей мамы вообще чесноком пахло, когда я её в первый раз поцеловал!

— Серёжа! — искренне возмутилась уже Таня, всплеснув руками и моментально залившись ярким румянцем, прямо как девчонка.

Мы рассмеялись все вчетвером. Громко, до колик в животе, заглушая шум просыпающейся за окнами Москвы.

Уже к обеду мы всей дружной компанией собрались в город. Дядя Серёжа честно выполнил поручение жены: покатав нас по залитой солнцем Москве, показал мне все самые короткие и удобные пути до универа, а заодно строго пальцем ткнул в переулки, где одинокой первокурснице лучше вообще не ходить, когда темнеет. Под конец экскурсии мы уютно посидели в небольшом кафе и поели мороженого.

Едва доев свою порцию, Полинка решительно отпустила отца домой, а меня безумной, стальной хваткой потащила в сторону огромного двухэтажного книжного магазина на Новом Арбате.

— Тебе нужна книга! Новая! И только попробуй посмотреть в сторону своей вонючки-классики, — безапелляционно заявила сестра, толкая стеклянную дверь магазина.

— Я вообще-то могу взять почитать что-нибудь у тебя,

— напомнила я, задорно поиграв бровями и намекая на её запретные стеллажи.

— Нет! Ни за что! — Полина замахала руками так активно, что едва не задела проходящего мимо консультанта. — Ты слишком неиспорченная для этого. Тебе лучше и дальше думать про пестики и тычинки цветов, а не людей.

— Эй! Ты меня вообще за кого принимаешь? — искренне возмутилась я, упирая руки в бока прямо посреди зала зарубежной беллетристики. — Я знаю, что такое секс. Мне восемнадцать, а не восемь!

— Ой, Лекса, поверь мне, в современных романах такое, от чего ты в обморок упадёшь на первой же странице! — фыркнула она.

— Серьёзно? Не думаю, что ты сможешь хоть чем-то удивить меня после того, как я прочитала «120 дней Содома», — я победно улыбнулась, глядя на её вытянувшееся лицо. — Я до сих пор в легком шоке пребываю, между прочим. А ведь всё из-за тебя и твоих дурацких списков «must-read литературы»!

Полинка на секунду замерла, вспоминая, как сама подсунула мне этот треш год назад ради шутки, а потом громко и заливисто рассмеялась на весь магазин, заставив обернуться парочку строгих дам у полок с поэзией.

— Ладно, признаю, это было смело, — Полина со смехом подняла руки вверх, сдаваясь. — Тогда купим тебе кое-что по-настоящему интересное для твоего бизнеса.

Мы вышли из шумного книжного магазина и сразу же завернули в соседний, невероятно стильный магазинчик с сумками и аксессуарами. В нос тут же ударил приятный запах дорогой кожи.

— У меня вообще-то уже есть рюкзак, — проговорила я, кивая на своего верного тканевого друга за плечами.

— Серьёзно? Рюкзак? — Полина обернулась и смерила меня таким взглядом, будто я предложила ей пойти в ЦУМ в галошах. — Ты идёшь в университет, а не в школу! У тебя на парах будут только тетрадки. Ну и одна ручка, которую ты в итоге найдёшь на полу, когда свою успешно потеряешь. Кабинетный стиль требует жертв, Лекса.

Она деловито пробежалась глазами по ровным рядам полок, оценивая формы и фурнитуру, и уверенно ткнула пальцем в лаконичную черную сумку-тоут с твердыми бортами, идеально подходящую по размеру под формат лекционных тетрадей.

— Берём эту! — безапелляционно указала она продавщице, параллельно озвучивая цену.

Полина всегда знала толк в моде, трендах и аксессуарах. Это у неё было от мамы. Поэтому я мысленно уже смирилась с ролью её личной подопытной куклы на ближайшие полгода. Не став спорить, я достала карточку, оплатила покупку, и уже через минуту сестра шла впереди меня, абсолютно довольная и весело махая новенькой фирменной коробкой в разные стороны.

Затем мы заглянули в канцелярский, где набрали стопку одинаковых строгих тетрадей, пачку ручек и ещё кучу всякой яркой ерунды — вроде милых закладок и стикеров, — которую Полинка просто хватала с прилавков не глядя, уверяя, что «без этого бизнес-анализ не пишется».

Я же себе прикупила новый ежедневник лавандового цвета с разными вкладками и удобными разделителями. Сирень лавандового цвета вообще была моим любимым цветом, она меня успокаивала. Я безумно любила планировать всё на неделю вперёд, шаг за шагом: расписывать пары, домашние задания, списки книг на месяц, записывать важные моменты и данные, которые могла случайно забыть. И те которые забывала не случайно.

Дело в том, что в обычной жизни я была собранной, но стоило мне сильно занервничать, как я становилась ужасно невнимательной. Могла перепутать номера кабинетов, забыть имя преподавателя или проехать свою остановку, уткнувшись в мысли. В такие моменты ежедневник становился моим настоящим спасением — моим личным «планом Я», который всегда возвращал меня в реальность.

По завершении этого сумасшедшего дня мы вернулись к дому. Солнце уже садилось, окрашивая двор в мягкие янтарные тона, а мы с Полиной лениво катались на качелях на детской площадке, доедая подтаявшее мороженое. Вокруг было тихо, по-семейному уютно, пока тишину двора не разорвал оглушающий, утробный звук мощного байка.

— А вот и Маратик приехал! — пискнула Полина, мгновенно спрыгивая с качелей и хватая свои пакеты с канцелярией. — Пошли поздороваемся!

Я подхватила остальные пакеты, включая коробку со своей новой жесткой черной сумкой, и послушно направилась за ней. Черный матовый мотоцикл как раз припарковался у соседнего подъезда. Парень глушил мотор и неторопливо стягивал шлем.

— Маратик! — закричала Полина на весь двор, налетая на него коршуном и чуть не сбив с ног вместе с его драгоценным байком.

— О-о, Коряга, привет! — Марат ухмыльнулся, легко удерживая равновесие.

— Сам ты коряга! — безлобно возмутилась сестра, тут же переходя к делу. — Короче, у меня к тебе просьба есть. Сестру мою повозишь в универ, пока ей тачку не привезут? А то общественный транспорт у нас конченый.

— Сестру? — искренне удивился он, переводя взгляд со шлема на Полину. — Какую еще сестру?

— Да обычную! Лекс, ну тащись быстрее, чего ты там застряла! — крикнула мне Поля.

Я подошла ближе, переступая через асфальтовые трещины, и мягко улыбнулась парню, которого не видела несколько лет:

— Привет, Марат.

— Да ну нахрен! — Марат буквально выпучил глаза от

шока, а его челюсть едва не встретилась с бензобаком. — Лекса?! Ты приехала в Москву? В этот сраный спальный район? Серьезно? А почему не в Лондон? Твой батя мог тебе Оксфорд купить!

— А что, в Лондоне лучше? — искренне удивилась я, пожимая плечами.

— Ну, говорят, там успешнее, — протянул он, все еще ошарашенно меня разглядывая.

— Тогда почему ты сам всё ещё здесь, а не там? — ехидно уточнила я, приподняв бровь.

Марат на секунду завис, а потом громко захохотал на весь двор и сгреб меня в охапку, напрочь забыв про свой шлем.

— Ладно, Марат, пусти, ребра сломаешь! — задыхаясь от смеха, пропищала я, утыкаясь носом в его кожаную куртку. — Ну и вымахал же ты! Настоящий шкаф.

— А ты всё такая же мелкая, карамелька, — он наконец выпустил меня из своих медвежьих объятий и широко улыбнулся. — Ладно, без базара, подвезу. Куда тебе хоть?

— Туда же, куда и тебе. В Вышку, на Покровку.

— В натуре?! — Марат снова округлил глаза, переводя взгляд с меня на ухмыляющуюся Полину. — Что, папочка устроил по звонку в ректорат?

— Я сама, дубина! — возмутилась я, легонько пихнув его в плечо. — Сто баллов по ЕГЭ, честные, заработанные потом и кровью! Ну и ладно, пара слезинок над учебниками там тоже были. Но сама!

— Ого, круто, — Марат уважительно присвистнул, и в его глазах промелькнула искренняя гордость за соседскую девчонку. — Меня вот со своими 89 еле на бюджет логистики взяли. Насилу пролез.

— Это тоже здорово, — я улыбнулась. — Логистика — сильное направление.

— Ну, значит, судьба, — Марат закинул шлем на зеркало байка. — Тогда завтра в 9:00 жду тебя здесь, у подъезда. Линейка у вас в 10:00, доедем как раз вовремя. А то утром на Садовом слегка затор бывает, просочимся между рядами. Договорились?

— Договорились, — кивнула я, чувствуя колоссальное облегчение. План «добраться до Вышки без приключений» был официально утвержден.

— Шлем у сестры отожду, — Марат весело кивнул в сторону своего подъезда. — Она у нас тоже мелкая, как раз по размеру подойдёт. Но погоди... Ты же вроде сама тоже хотела на права учиться, насколько я помню по твоим рассказам? Передумала?

— Выучилась! — довольно отозвалась я, гордо вскинув подбородок. — Сдала всё сама! Правда, после сдачи за руль больше не садилась. Мама такой скандал дома устроила, что мне даже смотреть в сторону водительского сиденья не разрешили. Машина и всё, никакого двухколёсного транспорта.

— Понял, — рассмеялся он, качая головой. — Ладно, тогда до завтра.

Мы с Полиной уже развернулись и пошли к нашему подъезду, как вдруг Марат крикнул нам вдогонку:

— Эй, Коряга, забыл сказать! Завтра за Ксюшкой Влад приедет, они могут и тебя с собой взять.

Ксюшка — младшая сестрёнка Марата. Она училась в девятом классе в школе прямо по соседству с медицинским. А Влад, как я сообразила уже позже, приходился братом её однокласснику. Именно поэтому он так часто подвозил ещё и Полинку.

— Супер! — радостно крикнула Поля, оборачиваясь. Но тут же строго навела на него палец: — Но назови меня ещё раз корягой, и завтра вы оба поедете на метро. Твоим колёсикам прилетит, козявка!

Марат тут же сквитал кислую мину при упоминании его старых детских забав с козявками. Он поспешно замахал руками, сдаваясь, а мы с сестрой, довольные своей маленькой победой, зашли в прохладный подъезд сталинки.

2.

С самого утра Полина устроила в нашей комнате настоящий филиал модного приговора, всю примеряя на мне свои дизайнерские умения. Мои робкие попытки дотянуться до привычного, уютного бежевого свитера были безжалостно пресечены точным ударом расчески по рукам.

В итоге к восьми часам утра я стояла перед зеркалом в прихожей абсолютно на себя не похожая. Белая, идеально отглаженная блузка из плотного хлопка мягко облегла плечи, а свободная короткая юбка цвета выдержанного кофе открывала ноги гораздо сильнее, чем я привыкла.

— Поль, ты в своем уме? Я вообще-то на мотоцикле еду! У меня вся задница наружу будет на первом же повороте! — в панике запричитала я, пытаюсь натянуть подол пониже.

— Ничего не будет, я уже сто раз ездила в этой юбке, она со складками, — безапелляционно отозвалась сестра и со стуком кинула к моим ногам изящные босоножки на небольшом, устойчивом каблуке. — Даже знать не хочу, в чем ты собиралась идти в свой первый день. Вроде из богатой семьи, а выглядишь вечно как бродяга в этих своих оверсайз-балахонах. Пора заявлять о себе, Лекса!

— Я просто люблю спокойные оттенки, ясно? — я сердито застегнула ремешок босоножки. — И я не люблю лишнее внимание.

— Знаю, знаю. Тихоня классическая, — Полина забавно сморщила свой нос с горбинкой.

— А ты — цветная балалайка, — не осталась в долгу я, оглядывая ее ультрамариновый топ.

Сестра лишь заливисто рассмеялась, ничуть не обидевшись.

Когда мы вышли во двор, Москва встретила нас потрясающим, звенящим сентябрьским утром. Туман над Садовым кольцом уже рассеивался, и косые лучи солнца золотили кирпичные фасады сталинки и верхушки пожелтевших кленов. Воздух пах осенью, сухой листвой и бензином — вечным ароматом этого города.

Марат уже ждал нас, лениво опершись на свой матовый байк. При виде меня в блузке и юбке его глаза удивленно округлились, а Поинка победно хмыкнула у меня за спиной.

— Решила показать задницу сестры на пол-Москвы? — как-то недовольно и хмуро обратился Марат к Поле, оглядывая мой новый наряд.

— Да что вы понимаете! — тут же фыркнула Полина, скрестив руки на груди. — Там ничего не видно будет. И вообще, почему бы хорошую задницу не показать, а?

Я густо покраснела, готовая сквозь землю провалиться прямо тут, на асфальте нашего тихого двора. Но Марат не дал сестре договорить. Он резко, но аккуратно дёрнул меня за руку на себя, уводя из-под обстрела Поинкиных модных советов. С абсолютно деловым и серьезным лицом он натя-

нул на меня свой запасной черный шлем — забавный, с болтающимися по бокам искусственными косичками, из-за которых я сразу стала похожа на какую-то экстремальную девочку из комиксов.

Следом Марат нацепил на мои плечи массивную защитную куртку-черепаху, которая пахла бензином и кожей, а потом вскинул свой тяжелый рюкзак.

— На, держи, — скомандовал он.

Я послушно кивнула, натянула рюкзак на плечи прямо поверх куртки и уверенно забралась на высокое пассажирское сиденье байка вслед за ним.

— «Двойкой» ездила когда-нибудь? — не оборачиваясь, громко проговорил он сквозь стекло шлема.

Я снова кивнула, вспоминая, как в Городце мы с пацанами тайком катались на старых мопедах. Марат почувствовал мое движение.

— Супер, хоть с кем-то проблем не будет, — отозвался он, красноречиво глядя на надувшуюся Полину.

— Ой, катитесь уже, умники! — беззлобно махнула на нас рукой сестра, провожая нас взглядом.

Байк взревел, и мы сорвались с места. Всю дорогу до Покровки я послушно наклонялась вместе с Маратом на поворотах, намертво вцепившись пальцами в его куртку. Ветер свистел в ушах, косички на моем шлеме бешено летали из стороны в сторону, а короткая юбка, зажатая между нашими телами, к счастью, осталась на месте. Это был чистый вос-

торг.

Припарковавшись у универа, я разинула рот от удивления — оказалось, таких, как Марат, здесь было пруд пруди! Девчонки в стильных кожанках и коротких юбках ловко спрыгивали с тяжелых байков, поправляя прически.

— Ого, да у вас тут целый мотоклуб! — восхитилась я, оглядывая забитую мотоциклами площадку.

— Это самое практичное для города с пробками, — резонно заметил сосед. Он достал из кармана клочок бумаги, быстро чиркнул что-то ручкой и сунул мне бумажку с номером: — Как закончишь пары — напиши. Я заберу тебя, когда буду лететь домой.

— Ладно, — кивнула я, бережно стягивая с плеч его массивный рюкзак и расстегивая защитную куртку.

Марат протянул руку и помог аккуратно снять огромный шлем с косичками, чтобы не запутать мои волосы. Перехватив у меня вещи, он привычно развесил шлемы на зеркала своего байка.

— Ладно, пойдём. Покажу хоть, где что тут у нас находится.

— А ты что, уже всё знаешь? — я удивленно приподняла бровь, догоняя его по ступенькам.

— Я вообще-то, карамелька, уже на втором курсе, — Марат весело хмыкнул, открывая передо мной тяжелую стеклянную дверь. — У твоей сестры склероз, но я вчера просто смолчал, чтобы не портить ей триумф.

Я заливисто рассмеялась, мысленно подсчитывая в уме: и правда, он ведь старше меня ровно на год! Из-за его вечных подколок и детских воспоминаний о козьянках я совершенно забыла, что Марат уже закрепился в этом мегаполисе.

— Какое у тебя направление? — громко проговорил он, перекрикивая гул голосов, и крепко взял меня за руку, чтобы я случайно не потерялась в этой огромной, бурлящей толпе студентов.

— Бизнес-дело!

Марат уверенно подвел меня к центральному холлу, где на стене висел огромный информационный стенд. Он лениво провел пальцем по спискам аудиторий.

— Вот, супер. Аудитория общих сборов первого курса — 302. Это третий этаж. Линейка будет вон там, — он ткнул пальцем в сторону украшенного шарами атриума. — А группа... ! — Так... БД-104?

Он снова сощурился, пытаясь разглядеть списки на стенде сквозь чужие головы.

— А вот.. табличка третьего этажа! Вон она, — я сама ткнула пальцем в яркий указатель над лестницей, перехватывая инициативу.

— О, точно. Всё, да. Тогда ковыляй туда, — Марат тепло улыбнулся и легонько подтолкнул меня в плечо, а затем кивнул в противоположную сторону коридора: — Моя табличка — пять. Я там, у логистов.

Я искренне поблагодарила его за спасение в этот безум-

ный утренний час, и мы разошлись по своим группам.

Добравшись наконец до своей таблички с номером я скромно встала около ребят, одежда которых буквально кричала о статусе, запредельных чеках из ЦУМа и очень богатых родителях. Вокруг витал шлейф дорогого парфюма, мелькали брендовые сумки, а парни лениво обсуждали свои новые автомобили. Я невольно крепче сжала ляжку сумочки, мысленно включая режим «невидимки».

Но оставаться в тени долго не получилось. Ко мне тут же шустро подлетела милая пухленькая девчонка в очках и с большим блокнотом в руках.

— Как тебя зовут? — весело спросила она, на ходу листая страницы.

— Алексия Попова, — негромко проговорила я.

Она быстро пробежала глазами по списку первокурсников и уверенно поставила жирную галочку напротив моей фамилии.

— Отлично! Я Катя Туманова, староста нашей группы, — представилась она и дружелюбно улыбнулась.

Я понимающе кивнула.

— Сейчас пойдём на общую линейку, она будет на заднем дворе, — затараторила Катя, поправляя очки. — А потом сразу поднимемся в 302-й кабинет. Заполним там пару анкет, формальности всякие — и свободны! А вот завтра уже начнётся настоящая учёба.

— Отлично, — искренне улыбнулась я, чувствуя, как на-

пряжение внутри начинает спадать. Катя казалась очень простой и открытой девчонкой, совсем не похожей на остальную пафосную толпу.

— Будем дружить! — прямо и уверенно отозвалась она, заглядывая мне в глаза.

— Будем, — тепло поддержала её я.

И мы вместе влились в общую шумную массу студентов, направляясь в сторону залитого солнцем заднего двора. Мой первый день в университете официально начался.

Стоя на торжественной линейке посреди огромного заднего двора Вышки, я уже проклинала всё на свете и мысленно посылала Полине с её «модными приговорами» самые пламенные проклятия. Сентябрьское солнце палило совсем не по-осеннему. Белая плотная блузка мгновенно заставила меня вспреть, а новенькие босоножки начали безжалостно и до крови натирать пятки.

Кураторы на сцене всё болтали и болтали в микрофон о престиже вуза, а толпа студентов вокруг становилась всё плотнее. Старшекурсники, оккупировавшие задние ряды, то и дело толкались, шумно смеялись и оттесняли нас, первокурсников, к самым клумбам. В какой-то момент человеческая масса окончательно начала давить нас с Катей.

От очередного сильного толчка сзади Катя покачнулась и

случайно задела плечом высокую блондинку с третьего курса, чьё лицо было покрыто тонной пафосного макияжа.

— Куда прёшь, толстуха? — брезгливо и громко возмутилась старшекурсница, демонстративно отряхивая свой дорогой пиджак.

— Прости, меня саму сзади толкнули... — Катя мгновенно вжала голову в плечи и густо покраснела, поправляя съехавшие очки.

— Да мне плевать, поняла, корова? — не унималась блондинка, окинув Катю презрительным взглядом. — Тоже мне, наберут всяких по объявлению...

Её подружки, стоявшие рядом, противно и ехидно захихикали. Внутри меня от этой сцены всё буквально перевернулось от злости. Я тактично промолчала, помня о мамином совете «быть собой» и не устраивать скандал в первые же минуты учебы, хотя в этот момент мне искренне, до зуда в ладонях хотелось вцепиться в её крашенные пакли и вырвать их с корнем.

Я лишь крепче перехватила Катю за локоть, закрывая её от этих змей своей спиной.

— И тут на меня сзади на полной скорости налетело что-то тяжелое, с размаху ударив по лопаткам!

От неожиданного и сильного толчка я аж охнула, едва не полетев лицом прямо в асфальт. Чертова толпа на линейке окончательно взбесилась. Катя едва успела подхватить меня за локоть, чтобы я не растянулась на глазах у всего факуль-

тета.

— Куда прёшь, ебанутый?! — тут же громко и яростно проорал кто-то прямо за моей спиной в сторону убегающего парня.

Я недовольно и зло обернулась, готовая высказать этому защитнику всё, что я думаю о московской культуре поведения. Парень, кричавший секунду назад, повернулся ко мне лицом. Высокий, широкоплечий, в стильном бомбере с символикой университета. Светлые волосы, голубые глаза.

— Прости, мелкая, тут у людей явные проблемы с личными границами, — он критически осмотрел меня сверху вниз и мягко, открыто улыбнулся. Гнев внутри меня как-то сам собой поутих. Парень аккуратно придержал меня за плечо: — Цела? Позвонки тебе этот баран не сломал?

— Нормально, — буркнула я, поправляя воротничок блузки и упрямо вздергивая подбородок.

— Ну тогда смотри, не поломайся, — он весело подмигнул мне, продолжая открыто улыбаться. — Тебе хоть восемнадцать-то есть? А то выглядишь от силы на пятнадцать.

Он громко рассмеялся, а стоявшие рядом те самые пафосные девчонки-старшекурсницы услышали его слова и противно захихикали. Девушка брезгливо зажмурила свой напудренный нос, демонстративно дернула парня за рукав пиджака:

— Максик, зачем ты вообще с ними говоришь?

— Сбавь обороты, Марина, они лишь новички, — Мак-

сим лениво отмахнулся от блондинки, даже не повернув к ней головы.

— Фу, ну ты как обычно! Вечно тащишь в компанию кого-то не из нашего круга, — сморщилась она.

— Да пошла ты, — спокойно и грубо отрезал Макс, полностью обрубая её пафос.

Я лишь удивленно переглянулась с Катей.

Спустя пятнадцать минут этой бесконечной пытки под палящим солнцем нам всё же позволили уйти с площадки. Шумная толпа студентов с облегчением вздохнула и начала медленно разбредаться по своим аудиториям. Пробираясь сквозь людской поток, я краем глаза заметила Марата — он активно махал мне рукой поверх чужих голов, беззвучно напоминая, чтобы я не забыла ему написать. Я лишь согласно кивнула в ответ, чувствуя, как внутри разливается приятное тепло от мысли, что в этом чужом городе мне есть кому написать.

Едва переступив порог прохладной 302-й аудитории, я первым же делом опустилась на стул и бережно достала из сумки свой лавандовый ежедневник. Это был мой личный ритуал спасения от стресса. Я аккуратно переписала туда с клочка бумаги номер Марата, затем быстро зафиксировала контакты Кати и открыла чистую страницу для заметок.

Немного подумав, я с силой нажала на ручку и быстро вписала: *«Мажористого блондина из толпы зовут Максим, а его пафосную блондинку — Марина. Держаться от них как можно дальше!»* Последнее предложение я обвела и выделила жирным шрифтом, превратив в главное правило выживания на факультете.

— О, ты тоже любишь планировать и вести дела? — неожиданно раздался над ухом восхищенный голос Кати.

Она с улыбкой опустила на соседнее сиденье и с гордостью вытащила из своей сумки точно такой же пухлый ежедневник. Я довольно и понимающе кивнула ей в ответ. Кажется, в этом змеином логове золотой молодежи я наконец-то нашла свою родную душу.

Как только в аудиторию быстрыми шагами вошла куратор, в зале мгновенно воцарилась относительная тишина. Она без лишних предисловий раздала нам плотные стопки каких-то анкет, листки с официальным расписанием пар и списки дополнительных кружков, строго подчеркнув, что каждый из нас обязан записаться хотя бы в одну секцию. Долго думать мне не пришлось: среди предложенных вариантов я уверенно выбрала волейбол. В школе я часто в него играла, мы постоянно тренировались и даже ездили от школы на соревнования среди классов, так что этот спорт был мне ближе всего. Катя, немного посомневавшись и поправив очки, записалась на плавание.

После того как все бумажные манипуляции были успешно

завершены, куратор тепло улыбнулась и наконец-то отпустила нас домой, на прощание пожелав хорошей и продуктивной учебы. На душе сразу стало легче. Выйдя в коридор, я первым же делом достала телефон и написала Марату. Ответ пришел почти мгновенно: он попросил подождать его минут пятнадцать, так как у логистов затянулись сборы на пятом этаже.

Чтобы не стоять посреди прохода на натертых босоножками ногах, я отыскала свободный уголок, забралась с ногами на широкий мраморный подоконник и выудила из рюкзака ту самую мрачную книгу, которую мне так усердно сунула утром Полина. Перевернув первую страницу, я попыталась сосредоточиться на тексте. В университетских коридорах вокруг меня по-прежнему было безумно шумно — студенты смеялись, толкались и бурно обсуждали планы на вечер, — и этот роман оставался единственным спасением, которое хоть как-то отвлекало меня от столичной суеты.

Я периодически отрывалась от страниц, лениво переводя взгляд на пробегающих мимо студентов. И самым приятным в этот момент было осознание того, что на меня абсолютно никто не смотрит. В этом огромном муравейнике до тихой первокурсницы на подоконнике никому не было дела, и эта столичная анонимность неожиданно приносила колоссальное облегчение.

Чуть дальше, на длинной деревянной лавке у стены, сидели еще несколько девчонок, которые так же, как и я, решили

скоротать время за чтением. Одна из них увлеченно перелистывала томик какой-то классики, а другие — хмурились и подчеркивали маркерами сложные экономические теории в распечатках к будущим лекциям, как я поняла по обрывкам их разговоров.

От прочтения меня неожиданно вырвал Марат, легонько стукнув щелчком по носу и протягивая мне шлем с косичками.

— Ну что, погнались? — широко улыбнулся он.

— Да, поехали, — я тепло улыбнулась в ответ, запихивая книгу обратно в сумку, и спрыгнула с подоконника, попутно поправляя складки юбки.

Я взяла шлем в руку, оглядела его и снова с любопытством посмотрела на соседа:

— У тебя сестра тоже ездит на байках?

— Нет, — рассмеялся он, ведя меня к выходу из корпуса. — Ей всего пятнадцать. Но я часто вожу её «двойкой», пассажиром. Поэтому у неё есть и полный экип, и шлем — даже не один, на выбор. В будущем говорит, что тоже обязательно сама сдаст на права. Кстати, а ты сама не хочешь за руль? Попробуешь?

— Э-э-э, даже не знаю, — я растерянно замерла на ступеньках, округлив глаза от такого предложения. — Не хотелось бы свалиться и опозориться прямо на университетской парковке перед всеми. Я уже полгода как вообще не бралась за это дело после получения прав...

— Ладно, тогда покатаемся на площадке. В выходные, — предложил сосед, заводя мотор.

— Согласна! — тут же улыбнулась я, чувствуя, как внутри загорается азарт.

Мы подошли к байку. По пути Марат успел обменяться крепкими рукопожатиями со своими друзьями-байкерами. Но стоило ему перекинуть ногу через сиденье, как к нему неожиданно подбежала какая-то эффектная девушка. Она быстро чмокнула его в щеку и что-то тихо, заговорщически прошептала на ухо. Марат на это лишь хмуро кивнул, заметно посерьезнев.

— Прыгай, — коротко отозвался он, поворачиваясь ко мне.

Та самая девушка тут же смерила меня недовольным, тяжелым и хмурым взглядом, словно оценивая внезапную конкурентку. Я проигнорировала её выпад и натянула на голову свой шлем. Марат, заметив мою возню с ремешками, снова сам аккуратнo застегнул мне крепление под подбородком, а под конец весело щелкнул визором прямо перед моим носом.

— Эй! — возмутилась я, легонько хлопнув его ладонью по плечу, а он лишь заливисто рассмеялся, довольный своей маленькой шалостью.

Я ловко запрыгнула на высокое сиденье, еще раз на ходу поправив непослушную юбку. Крепко приобняв Марата за куртку, я зажмурилась на секунду, и мы плавно выехали с

университетской парковки в бурный поток столичного трафика.

Это был всего лишь самый первый, ознакомительный день в универе, но я чувствовала себя настолько выжатой, словно меня переехало машиной, а то и товарным поездом. Эмоции, шумная толпа, пафосные старшекурсники и бесконечные анкеты напрочь лишили меня сил. Голова гудела, и единственным моим желанием было поскорее оказаться в тихом уюте квартиры.

3.

Артём

Этот третий курс «Бизнес-дела» обещал выжать из меня все соки еще до того, как начнется чертов сезон. Отец то и дело наседавал на меня со своими жесткими, сухими правилами, повторяя как заведенный, что по окончании вуза мне придется занять его место в гребаной компании. От этих его планов меня уже тошнило. Вся эта корпоративная чушь, костюмы-тройки и многомиллионные контракты... Нахрен мне это нужно? Я полностью, до последней капли пота на поле, хотел посвятить себя спорту и регби. Это было единственное место, где я чувствовал себя живым.

Но для отца моя страсть была лишь детским лепетом. Абсолютно несерьезным занятием, обычным хобби по выходным, чтобы покидать мяч с пацанами. И плевать он хотел на то, что я уже два года херачу на турнирах, привожу медали и притаскиваю домой тяжеленные кубки. Для него это просто цветной металл, не имеющий веса в мире его бизнеса.

Злость кипела внутри, пока я на ходу, психуя, заправлял белую рубашку в строгие брюки. Терпеть не мог этот официоз. В этот момент Макс уже всю торчал у меня дома, вальяжно развалившись в кресле и попивая молочный коктейль, который ему заботливо приготовила наша домохозяйка. Вид у него был такой, словно он хозяин этой чертовой

жизни.

— Ты опять опаздываешь, Туман, — лениво проговорил он, даже не отрываясь от стакана. — Твоя Марина меня уже просто заебала написывать. Ты что, снова её в блок закинул?

Я лишь глухо выругался про себя. Очередной е***ый день в Вышке начинался просто «идеально».

— Почему сразу «снова»?! — огрызнулся я, в очередной раз психуя из-за этой тупой, сковывающей движения рубашки. — Я её и не разблокировал вообще-то!

Эта дура возомнила себя хрен пойми кем — то ли хозяйкой моего тела, то ли вообще всего меня целиком. Но мне весь этот бабский контроль нахрен не сдался. Покувыркались пару раз в постели — и хватит с неё. Тоже мне, блять, примадонна нашлась, права она на меня качать будет!

— Сам же знаешь, у меня нет и никогда не было этого вашего «постоянства», — злобно заржал я, накидывая пиджак.

Макс понимающе кивнул, но стакан с коктейлем всё же отставил в сторону.

— А может, пора уже, а, Туман? Ты в последнее время стал максимально разболтанным. Несерьезным каким-то, что ли?

— Так, хорош, давай только без твоих нотаций, ясно? — отрезал я, затягивая ремень на брюках. — С учебкой у меня всё отлично, игра на поле — тоже на высшем уровне. В штанах стоит — и ладно, девчонки вроде пока не жалуются. А вот эту её сучью «любовь» к моему кошельку и папиной

компании я терпеть, бл**ь, не могу. Насквозь же вижу, ради чего она вокруг меня вьется.

— Зато фигура у неё — просто огонь, — лениво протянул Макс, провожая меня взглядом. — Да и на личико ничего так, сойдёт.

— Ну вот сам её и трахай! — злобно бросил я и с размаху хлопнул его по плечу, проходя мимо к выходу из комнаты. — Я на этот год вообще пас с любыми отношениями. Мне отец и так за всё лето весь мозг до капли выжрал своим грёбаным бизнесом. Попробую побыть путёвым, примерным сыном — авось старик заценит, сжалится и наконец смягчится по поводу моего «хобби», как он изволит выражаться.

Мы спустились на парковку, быстро запрыгнули в мою тачку, и я с пробуксовкой рванул в сторону Вышки. За эти два года я уже по горло сыт был началом учебного года. Ещё с первого курса знатно вкусил этот неповторимый «аромат» официальной линейки под палящим солнцем. Нахрен бы оно мне сдалось. Но эти тупые старосты с какого-то перепугу решили устроить обязательный день переключки. И не дай бог тебе там не явиться — эти душные суки из деканата потом сожрут со всеми потрохами и до конца семестра не отмоешься.

Как я и предполагал, грёбаная парковка университета была уже забита под завязку. А всё потому, что эти местные мотолюбители в край охренели и отжали себе добрую половину площадки, чтобы расставлять там свои двухколесные

драндулеты. И всю эту х*ню, естественно, замутил Марат со второго курса. В том году этот придурок ходил тут павлином, собирая какие-то бланки и подписи, благодаря которым у нас, автомобилистов, тупо урезали парковочную зону. Теперь многим нормальным пацанам приходится оставлять свои тачки хрен знает где — за пределами вуза, у черта на куличиках.

И вот, пожалуйста, этот гусь лично примчался на свое любимое козырное место под номером пять. Да еще и не один, а с какой-то девкой, у которой на шлеме болтались дурацкие девчачьи косички.

— Кажется, наш байкер обзавелся подружкой, — заржал Макс, вовсю покуривая в открытое окно моей тачки.

И меня вся эта картина взбесила еще больше. Внутри и так всё кипело, а тут еще этот табачный дым — терпеть не мог вонь сигарет в салоне. Я так зыркнул на Макса, что он тут же всё понял без слов и поспешно выбросил окурочку в окно.

— Меня вообще не волнует, с кем он там развлекается, Макс, — сквозь зубы процедил я, глуша мотор. — Погнали уже на эту линейку.

— А я вот бы не отказался её трахнуть.

— В путь, — указал я ему рукой на девченку, а сам направился на задний двор.

Постоять дебилом пять минут ради галочки и сразу свалить домой? Ага, конечно, хрен там плавал — не прокатило. В довершение ко всему этому цирку на мою шею коршуном нависла Марина. Реально, словно я какое-то дерево, а она — обезьяна, намертво уцепившаяся за банан.

На первом курсе я знатно с ней крутил. Чего уж греха таить, Маринка была чертовски красивая и сексуальная, а я тогда обожал весь этот пафос, дорогие тачки, тусовки и ярких кукол под боком. Но запала хватило ненадолго. Уже на втором курсе мы успешно расстались, и виной тому стали её бесконечные сучьи припадки и какие-то вечные, пустые слёзы на ровном месте. Мало внимания, не те подарки, не туда повёл — этот вынос мозга мне быстро поперёк горла встал.

Я ещё тогда сразу, прямым текстом ей сказал: никаких серьёзных отношений у нас быть не может, забудь. Но Маринка, видимо, было абсолютно похер на мои слова. Она упрямо продолжала считать меня своей собственностью, и её сегодняшнее появление здесь было худшим, что могло случиться.

— Тёмочка, я так скучала! — приторно пропищала она, с размаху размазывая свою дорогую помаду прямо у меня по щеке. — Почему ты постоянно недоступен?

Я даже ответить не успел, как она резко развернулась и злобно прошипела в сторону моего друга:

— Максим! Ты передал ему моё сообщение?!

— Слышь, я тебе что — голубь почтовый, что ли? — тут

же грубо бросил Макс, даже не пытаясь скрыть раздражение.

Они с Мариной терпеть друг друга не могли, на дух не переносили, хоть этот придурок и подкалывал меня вечно тем, что фигура у неё — чистый секс.

— Ты что-то конкретное хотела? — сухо проговорил я, силой отлипая её цепкие руки от себя.

Марина недовольно поджала свои накачанные губы и обиженно зыркнула на меня:

— У меня на этих выходных намечается закрытая вечеринка. Ты придёшь?

— Возможно, — лениво бросил я, вытирая щеку тыльной стороной ладони. — Но вообще не точно.

— Приходи, будет очень весело! — кокетливо бросила она напоследок. — Ну ладно, увидимся ещё.

И перед тем как окончательно свалить, эта зараза снова с размаху размазала свою е***ую помаду по моей и без того злой роже. Меня аж передернуло. Стоило Марине наконец развернуться и уйти к своим подружкам, как я лишь хищно оскалился ей в спину, едва сдерживая желание выругаться матом на весь двор.

Макс, стоявший рядом, моментально просек мою реакцию. Он просто по-доброму заржал, откровенно стебься над моим полным безысходством и тем, как бесполезно было этой примадонне что-то объяснять. Проще кирпичу доказать, что он мягкий, чем Марине — что её контроль мне нахрен не сдался.

Мы тухли под этим е***ым солнцем еще какое-то время, и у меня уже тупо заканчивалось терпение. В этой безумной человеческой давке, где все терлись друг об друга и воняли парфюмом, я окончательно психанул. Растолкав нахрен всех, кто попадался под руку, я решительно направился в сторону университетского буфета. Наша староста меня в толпе видела, галочку в своем блокноте мысленно поставила — значит, с неё на сегодня хватит. Свой долг перед этим цирком я выполнил.

По пути, пробираясь через коридор к лестнице, я краем уха слышал, как Марина уже вовсю кого-то гнобит из первокурсниц на заднем дворе. По голосу было слышно, как она изливает яд, но я даже оборачиваться и смотреть не стал. Пох** абсолютно. Её высокомерный, стервозный характер в последнее время бесил меня до зубовного скрежета. И надо же было мне так крупно умудриться в свое время связаться с этой истеричкой.

В буфете уже вовсю заседал Шарафутдинов. Этот придурок со своими пацанами-байкерами ржал на всё заведение, то и дело с грохотом стуча тяжелыми шлемами по несчастным пластиковым столам. Весь этот их дешевый пафос стоял у меня поперек горла.

Я медленно подошел прямо к его столу, нависая над логистом всем своим весом:

— Слышь, — процедил я, глядя на него сверху вниз. — Не дохера ли ты себе места выбил на парковке, а? Вас тут и

половины от общей массы не наберется, чтобы занимать всю свободную площадь.

Марат даже бровью не повел. Он лениво откинулся на спинку стула и дерзко посмотрел мне прямо в глаза:

— А тебе-то что, Туман? Нам официально выделили зону — мы ей и пользуемся. Что-то не устраивает? Иди в деканат и там оспаривай, флаг тебе в руки.

— Злишься, что в итоге я трахнул твою девку? — хищно усмехнулся я, решив ударить по больному.

Эффект превзошел все ожидания. Марат тут же оскалился, веселье с его лица смыло за секунду, и он резко поднялся с места, сокращая расстояние между нами до минимума. Пахло хорошей дракой.

— Катился бы ты лучше отсюда, Туманов, — опасно и тихо прорычал он, сжав кулаки. — Иначе смотри, как бы я твою потом не трахнул.

— Обломись, Шараф, у меня её нет! — громко заржал я ему прямо в лицо.

Мы еще раз намертво прожгли друг друга злыми, бешеными взглядами, и у меня от этой картины окончательно пропал всякий аппетит. Аппарат Шарафа у меня уже в печенках сидел. Я абсолютно точно дойду до деканата и сделаю всё, чтобы забрать у него вообще все парковочные места до единого. А если администрация начнет артачиться — без б, подключу отца с его связями и строительными контрактами.

Бесит этот дебил до глубины души. Возомнил тут себя

хрен пойми кем, устроил личную вышку двухколесников на своих вонючих, громыхающих драндулетах. У нас на районе и в клубе таких придурков называют исключительно самоубийцами. И это не шутка — за последние два года учебы из их тусовочной байкерской компании разбилось уже пятеро. И ладно сами дохнут по тупости, так еще и девчонок, которые в мотоциклах вообще ни хрена не смыслят, вечно сажают сзади «двойками». А эти малолетние тупицы тоже радостно лезут на сиденье, наивно думая, что это чертовски круто и романтично.

Моя сестра Катька в своё время тоже как-то хотела полезбездить перед этой байкерской шоблой и покататься с ними. Я ей тогда намертво, раз и навсегда запретил даже близко подходить к их драндулетам. Правда, эта мелочь всё равно попыталась влезть в их компанию, но пришла однажды домой в слезах. Сказала, что эти ублюдки её не взяли и прямо в лицо заявили, что она слишком толстая. Уроды конченные. Зато теперь у Катьки вообще нет повода даже смотреть в сторону этих смертников, а тот жесткий урок она усвоила намертво.

И вот теперь она — первокурсница, где-то шляется тут по корпусу на своём направлении «Бизнес-дела». Поступила на тот же факультет, что и я, потому что отец так потребовал и слушать ничего другого не пожелал.

После этой невыносимо нудной терапии в душной аудитории, где нас заставили подписать хренову тучу бумаг по технике ознакомления с графиком занятий, я наконец-то выва-

лился в коридор. Свобода. На сегодня точно всё. Я уже соби-
рался свалить на тренировку, как вспомнил про приказ ма-
тери: кровь из носа найти Катьку, забрать её из универа и
явиться домой вместе. Видите ли, у нас там какие-то важные
гости приехать должны. Словно мне эти гости, на х... упали,
делать мне больше нечего, кроме как перед папиными парт-
нерами рожу корчить.

Нашел я мелкую на удивление быстро. Она как раз вы-
ходила из своей аудитории в компании какой-то девчонки.
Моя сестра радостно лепетала на весь коридор, активно раз-
махивая своим дурацким, пухлым ежедневником. А самое
забавное — у её новой подружки в руках был точно такой
же планер.

«Ну, зашибись, нашла себе дурочку по призванию», — ци-
нично подумал я, разглядывая эту парочку любительниц рас-
писаний.

Но где-то глубоко внутри меня всё же кольнула искрен-
няя, непривычная радость за сестру. Она нашла себе подру-
гу в первый же день, и это было чертовски приятно. Обыч-
но в школе её жестко обижали и травили из-за внешности.
Катька из-за этого дико замыкалась в себе, переживала и от
стресса начинала есть еще больше, буквально заедая все оби-
ды. Мать в свое время даже потащила её к какому-то мод-
ному психологу, но всё было абсолютно без толку: мелкая
просто заедала этот вечный стресс, замыкалась — и всё на
этом, круг замыкался.

— Пошли уже, балаболка, — громко проговорил я, бесцеремонно подходя к их дуэту, и собственническим жестом перехватил Катьку за руку, утягивая за собой к выходу.

— Ладно, Лесь, до завтра! — весело помахала Катька своей новой знакомой, даже не пытаясь сопротивляться моему напору.

И мы быстрым шагом двинулись в сторону парковки, к дому.

Всю дорогу до дома Катька трещала без умолку о том, как здорово и круто у нас в вузе. Но, естественно, без дерьма не обошлось — мелкая успела пожаловаться, что на линейке какие-то тупые стервы из старшекурсниц уже умудрились обозвать её толстой коровой. Внутри меня аж всё перевернулось от злости, и я мысленно пообещал себе выяснить, что это были за суки, чтобы устроить им весёлую жизнь.

Но больше всего сестра жужжала про свою новую подругу Лесю. О том, какая она классная, что она тоже, как и Катька, обожает заполнять ежедневник, что у них куча общих интересов и эта девчонка тоже запоем читает книги. От этого бесконечного потока девичьих восторгов я уже знатно начал раздражаться, у меня голова опухла. Но сестру я любил больше всего на свете. Катька была моим единственным родным человеком в этом пафосном доме, поэтому я просто креп-

че сжал руль Мустанга и молча слушал её в полуху. Я понимал: будет лучше, если я сейчас побуду для неё жилеткой и громоотводом, выслушаю весь этот лепет. Глядишь, ей станет легче на душе, эмоции выйдут, и она перестанет наконец объедаться от стресса.

— Круто, котёнок, — проговорил я, на секунду поворачиваясь к ней на светофоре и искренне, тепло улыбаясь. — Но ты не могла бы немного притормозить, а? Я и половины не понял из того, что ты сейчас так быстро пролепетала. У тебя слова в кучу смешались.

— Да, прости, — Катька виновато, но счастливо засмеялась, поправляя очки. — Просто эмоции нахлынули, извини. Я постараюсь помедленнее.

— Так что в итоге, я не понял? — спросил я, решив окончательно подбодрить мелкую разговором и отвлечь от грустных мыслей. — Читаете книги и?.. Всю вот эту классическую ересь, верно? Сопли, любовь-морковь, кавалеры на белых конях?

— Артём, это не ересь! Это жизнь! — тут же вспыхнула Катька, преданно защищая свою вселенную.

— Жизнь — это когда стервы тебя коровой называют, а ты стоишь и молчишь, — жестко отрезал я, сворачивая во двор нашего дома. — Ты что, не могла этой твари сразу космы её крашенные дёрнуть, а? Я же тебя сколько раз учил: всегда постоять за себя нужно, зубы показывать!

— Я не хочу так решать вопросы! — надулась она, отво-

рачиваясь к окну и скрестив руки на груди.

— Поверь, котёнок, только так с этими сучками и надо, — я припарковал Мустанг и заглушил мотор. — Иначе они тебя и твою эту Лесю с её ежедневником тоже живо на кулак натянут. Будете потом вдвоем свою классику со слезами на глазах перечитывать. Короче, эту стерву ты мне завтра в универе всё равно покажешь. И на будущее: сразу говори этим шкурам, чья ты сестра. Ни одна мразь тогда близко не подойдёт, поняла?

— Поняла... — буркнула Катька, и по её голосу было слышно, что она знатно на меня обиделась за эту грубую лекцию.

Я ловко открыл бардачок, достал оттуда пачку новеньких, ярких закладок для её планера и протянул мелкой. Катька тут же оживилась, подтянулась на сиденье и расплылась в счастливой улыбке.

— Не знаю, влезут ли они вообще в твоего жирного гиганта, — хмыкнул я, кивая на её пухлый ежедневник. — Но как только увидел их в магазине, сразу подумал, что у тебя такой девчачьей ерунды точно ещё нет.

— Нету! — радостно отозвалась она, бережно забирая подарок и рассматривая цветные стикеры. — Я сама безумно хотела их купить, но мама в магазине утянула меня вообще в другую сторону, за вещами.

— Ну, тогда считай, что я твои мысли прочитал.

— Спасибо, Артём! — восторженно пропищала сестра и

потянулась ко мне, собираясь по привычке чмокнуть в щеку. Но стоило её лицу оказаться рядом, как она резко замерла и подозрительно уставилась на мою скулу: — Фу-у-у... Ты чё, красился блестками, что ли?

Я недовольно закатил глаза, вспоминая недавний налет:
— Марина.

Катька тут же состроила брезгливую гримасу и испуганно отстранилась обратно на свое сиденье:

— Что еще за Марина? Очередная стерва из твоих черли-дерш?

— Она самая, — не выдержал и рассмеялся я, вылезая из машины. — Но чтобы я больше таких фразочек от тебя не слышал, поняла?

— Я уже взрослая, ясно?! — гордо заявила мелкая, поправляя очки. — И если я хочу сказать «стерва», — она прямо выделила это слово голосом, — то буду говорить!

Я лишь громко рассмеялся от такой внезапной храбрости и состроил самую грозную мину, на которую только был способен:

— Лучше беги, котёнок, пока я реально не отобрал твой планер!

И я нарочно, с тяжелым топотом сорвался с места и побежал прямо за ней. Катька испуганно пискнула и, вереща на весь двор от восторга и нахлынувшего адреналина, припустила к дому, со всех ног спасая свои драгоценные ежедневники и стикеры.

Я тяжело вздохнул, глядя на наш огромный трехэтажный особняк, который раскинулся посреди элитного поселка. Весь этот пафосный вид загородной усадьбы сейчас вызывал у меня только глухое раздражение.

Дом выглядел монументально и холодно, как настоящий замок из темного кирпича и светлого гранита, окруженный идеально подстриженным газоном и высокими соснами. Огромные панорамные окна в черных рамах отражали солнечное сентябрьское небо. Архитектура буквально кричала о статусе отца: высокие колонны у парадного входа, тяжелая дубовая дверь с коваными элементами и просторная крытая веранда, где родители обычно пили утренний кофе. К дому вела широкая, вымощенная брусчаткой подъездная дорожка, на которой сейчас, помимо моего Мустанга, уже стоял представительский черный Мерседес отца. Все было вылизано до тошноты, дорого и совершенно бездушно. Настоящая золотая клетка.

Я уже сбился со счета, сколько раз за эти два года порывался к чертям съехать из этого склепа, но отец каждый раз умело перекрывал мне кислород, лишая малейшей финансовой автономии. По итогу наших бесконечных скандалов мы всё же пришли к жесткому компромиссу: я послушно получаю этот гребаный диплом, а взамен старик наконец-то оставляет меня в покое, и я начинаю жить своей собственной жизнью, как сам посчитаю нужным. И теперь мне оставалось еще долгих два года гнить в этой золотой клетке ради

обещанной свободы.

Хотя один жирный плюс во всём этом дерьме всё же был. Тот факт, что Катька теперь всегда будет у меня на виду, искренне меня радовал. Наша мать ведь в корень перестала следить за её здоровьем и этой пагубной любовью к еде. Ей же по всем медицинским показаниям строго-настрого запрещено жрать всё подряд, а дома на это всем плевать. Мать только и делает, что по психологам её таскает для галочки, вместо того чтобы банально наладить ребенку рацион. Так что теперь контроль над Катькиным здоровьем официально переходит в мои руки.

Не успел я даже дойти до своей комнаты, как Катька уже вовсю торчала у нашего огромного холодильника на кухне. При этом она умудрялась параллельно болтать по телефону, врубив громкую связь на весь дом. Я осторожно высунул башку из-за дверного косяка и стал внимательно наблюдать за каждым её шагом, готовый в любой нужный момент рывкнуть своё коронное «стоп», пока она не потащила в рот какую-нибудь очередную гадость.

Но, к моему огромному удивлению, на этот раз на её тарелке материализовался на удивление приличный набор: яблоко, пара штук печенья и стакан молока. Мелкая задумчиво ходила по кухне, выискивая глазами что-то ещё, а на том конце провода какая-то девчонка авторитетно ей затирала, что овсяное печенье с шоколадом — это, конечно, вкусно, но ужасно нездорово. Мол, от такого сладкого аппетит только

сильнее разыгрывается, и есть хочется еще больше. *«Поэтому, если тебе это не надо, как ты сама говорила, то лучше замени его на обычное галетное или вообще съешь хлебец с сыром. И еще: ни в коем случае нельзя морить себя голодом!»* — вещал динамик.

«Ишь ты, тоже мне, всезнайка выискалась», — мысленно усмехнулся я, закатив глаза. Чтоб Катька — да голодом себя морила? Ха-ха, три раза! Да это просто фантастика из области её книжных романов. Сейчас она, конечно, послушно молока попьет ради приличия, а уже ближе к вечеру я сто процентов застукаю её в комнате с каким-нибудь огромным бутербродом в зубах.

В итоге, пока мелкая без умолку болтала по громкой связи со своей новой подружкой, я сам дико захотел жрать. В университетском буфете из-за гребаного Шарафутдинова нормально поесть так и не удалось, желудок уже сводило. Я залез в холодильник, наложил себе добротную, мужскую порцию домашнего жаркого и устроился за столом. Было забавно наблюдать, как эти две мартышки общаются: судя по звукам и шуршанию, они обе параллельно что-то увлеченно строчили в своих ежедневниках, попутно обсуждая очередную книжную х**ню.

Но в следующую секунду я знатно подавился и буквально выплюнул всю еду обратно в тарелку, умудрившись знатно забрызгать и Катьку, и её драгоценный планер.

А всё потому, что на том конце провода в разговор дев-

чонок неожиданно влез еще один девчачий голос — судя по всему, чья-то бойкая сестра. Эта пигалица параллельно со смехом выдала на всю нашу кухню: *«Да лучшие бы вы читали порнушные дарк-романы, нежели вашу херню аля-шляпка набекрень!»*

Я не выдержал и в голос заржал, а Катька дико заверещала, чуть не плача над испачканными страницами:

— Артём, ну ты придурок! Ты мне всё портил!

Динамик на столе на секунду притих, а потом девчонка на том конце взволнованно спросила:

— Кать, ты там не одна? Слушай, может, мы лучше просто споемся попозже?

— Нет, Лесь, всё супер! — Катька со злостью вытерла салфеткой обложку и яростно сверкнула в мою сторону очками. — Этот идиот уже уходит! Да, Артём?!

Но я лишь с набитым ртом довольно покачал головой, показав ей знатный фиг. Уходить с этой комедии я точно не собирался.

Я продолжал слушать их болтовню и сам не заметил, как подчистую смёл всё жаркое из тарелки. Я просто сидел, тупо уставившись на телефон, и внимательно вслушивался в динамик, гадая, что ещё выдаст эта Лесья. Судя по всему, читать она знатно любила, и общего с Катькой у них действительно было пруд пруди — две повернутые на книжках девицы.

Потом Катька окончательно забила на моё присутствие, тупо плюнула на то, что я сижу рядом, и принялась расспра-

шивать подругу о диетах и похудении. На том конце Лесьа лишь тихо буркнула: *«Прости, Кать, я вообще-то не диетолог. Но не думаю, что у тебя всё так уж плохо с фигурой».*

«Ага, как же, — цинично подумал я, хмыкнув. — Тут проблема не столько с фигурой, сколько со слишком большим ртом, который не умеет вовремя закрываться при виде еды».

Терпение моё лопнуло. Я резко протянул руку, сгреб телефон со стола прямо перед носом у сестры и рывкнул в динамик:

— Эй, Лесь, или как тебя там! Тут у нас проблема не с фигурой, а с головой. Будет просто супер, если ты ей поможешь. Ей жрать кучу продуктов запрещено по здоровью, так что давай, следи за ней. Иначе я тебя из-под земли найду, и тебе не поздоровится, поняла?!

Катька взвизгнула и тут же яростно выхватила у меня трубку, а в динамике на пару секунд повисла звенящая, мертвая тишина. Подружка на том конце явно переваривала мой наезд. А потом она заговорила — тихо, но с такой ледяной, сочной издевкой, что я аж подавился воздухом:

— Я тебя прекрасно поняла. Только странно, что ты сам до сих пор башкой в унитазе не сидишь, раз за собственной сестрой в четырех стенах дома уследить не в состоянии. Ладно, Кать, до завтра.

И на том конце раздались короткие гудки. Я остался стоять посреди кухни с открытым ртом, чувствуя, как меня на-

чинает конкретно бомбить от такой наглости. Эта пигалица только что технично умыла меня при собственной сестре.

— Так тебе и надо, идиотина! — яростно прошипела Катька.

И перед тем как с концами вылететь с кухни, она со всей дури швырнула в меня яблочным огрызком, который прилетел мне аккурат прямо в лоб.

— И так подруг никогда не было, а ты еще и единственную нормальную девчонку умудрился спугнуть! — крикнула она уже из коридора, со слезами на глазах.

— Ну и грош цена такой подруге, раз она от пары слов сваливает! — гаркнул я ей вслед, потирая ушибленный лоб.

Но стоило Катьке с грохотом захлопнуть дверь своей комнаты, как на кухне воцарилась дурацкая тишина. Я стоял один у стола, и этот мерзкий, липкий осадочек после разговора всё никак не проходил. Слова этой Леси про унитаз до сих пор намертво стояли в ушах, знатно ущемляя моё самолюбие. Я со злостью швырнул грязную тарелку в раковину. А ведь если включить мозг и подумать без психов... эта пигалица на том конце провода была абсолютно права. И я действительно повел себя как последний идиот.

4.

Алексия

Среда встретила Москву мелкой изморосью, но мне было абсолютно плевать на погоду. Марат уехал на какую-то важную предсезонную встречу своего мотоклуба, поэтому до Покровки я добиралась на обычном городском автобусе. Чтобы хоть как-то скрасить унылую дорогу, я набрала Полине по видеосвязи. Сестра как раз уныло плелась в сторону своего медицинского института и всюю проклинала весь мир.

— Лекса, это просто грёбаный геноцид против стиля! — сокрушалась она в экран, кутаясь в куртку. — Зачем я вчера скупала эти мини-юбки, если поверх них я обязана натягивать этот уродливый, длинный белый халат?! Из-под него вообще ничего не видно! А эта медицинская шапочка? Она же намертво приминает мои волосы и делает из меня какого-то плешивого, абсолютно лысого Шляпника!

Я лишь залиvisto смеялась на весь полупустой автобус, слушая её модные страдания. Поля в своем репертуаре: даже спасение человеческих жизней у неё должно было проходить строго по канонам миланских подиумов.

Уже на подходе к главному корпусу Вышки я издали заметила в толпе Катю. Быстро завершив разговор с сестрой и пообещав ей прислать фотку «лысого Шляпника» для под-

нятия настроения, я ускорила шаг и громко поздоровалась.

Катя резко обернулась. Под её глазами залегли едва заметные тени, а в руках она сжимала свой ежедневник так, словно это был её единственный спасательный круг. Стоило ей увидеть меня, как она тут же начала судорожно оправдываться.

— Лекса, боже, прости за вчерашнее! Мне так стыдно, ты бы знала! Этот мой старший брат... он просто невыносимый козел, честное слово! Влез в наш разговор, наговорил тебе кучу гадостей, отобрал телефон... Я думала, ты после такого вообще со мной разговаривать перестаешь!

— Да ладно тебе, брось, — я тепло улыбнулась и мягко приобняла Катю за плечи, увлекая в сторону стеклянного атриума. — Всё нормально, я не обиделась. На самом деле, твой брат в чем-то прав. Если тебе действительно нужна помощь, мы обязательно со всем справимся вместе. Расскажи лучше, что у тебя со здоровьем? Всё так плохо? Это что-то хроническое, да?

Катя тяжело вздохнула, её плечи как-то обреченно опустились, а на глаза навернулись искренние, горькие слезы.

— Нет, не хроническое, — тихо, почти шёпотом проговорила она, шмыгая носом. — У меня просто... абсолютно неконтролируемое обжорство. Любое волнение, сильный стресс, обида или вообще любой непонятный пустяк — и я сразу начинаю есть. Просто заглатываю всё подряд, вообще не замечая, сколько и чего съела. Мама в том году водила меня к какому-то дорогому психологу, но там всё глухо. Вооб-

ще никакого толку, только деньги зря выкинули. Я уже просто не знаю, что делать...

— Эй, ну ты чего? Ну-ка отставить слезы! — я легонько сжала её ладонь. — Давай договоримся так. Моя мама во всей этой теме, так сказать, разбирается гораздо больше многих врачей. И в свое время... слушай, как бы тебя сейчас не обидеть, но давай будем предельно честны друг с другом, ладно? Я терпеть не могу врать. Моя мама в молодости тоже была очень даже в теле. И, если уж совсем откровенно, она была гораздо больше тебя в объемах.

Я наглядно показала руками в воздухе внушительные масштабы, и Катя удивленно округлила глаза.

— Да-да! — рассмеялась я, пытаюсь её приободрить. — И я сама родилась настоящим, кругленьким таким поросенком, не зря же меня дома до сих пор Пятачком зовут. Но у мамы план всегда был один, и он чертовски прост: ты спокойно съедаешь ту порцию обычной еды, которая реально необходима твоему организму для нормальной жизни, а всё остальное — это просто баланс энергии. Ты чем вообще обычно занимаешься в свое свободное время?

— Э-э-э... читаю, — растерянно захлопала глазами Катя.

— А еще?

— Ну, музыку в наушниках слушаю.

— А бег по утрам, вечерам или вообще хоть какой-то спорт в твоей жизни есть?

— Нет, — Катя уныло покачала головой.

— Вот! Именно в этом и проблема. Тогда давай добавим в твою рутину нормальный спорт. Будем бегать по вечерам. Утром перед парами — это вряд ли здорово, только организм замучаешь. А вот перед сном навернуть пару-тройку кругов около дома — это просто супер. Очищает голову от любого стресса лучше любых психологов.

Катя неожиданно замерла и удивленно вздернула свои пухлые брови:

— Около дома? Прямо вокруг него, что ли?

— Ну да, — я пожала плечами. — А что такого? Там же нормальное расстояние должно быть. Блин, Катя... у тебя что, огромный частный дом, да?

Катя смущенно и как-то виновато кивнула головой.

— Ну, тогда будешь пробегать полдома! — заливисто рассмеялась я на весь коридор, и Катя, заразившись моим весельем, наконец-то тоже громко и облегченно заиграла улыбкой.

— Давай так: мы будем заранее четко договариваться о времени и бегать вместе, — предложила я Кате, пока мы шли по длинному коридору. — Для полной реализации идеи — прямо во время пробежки будем на созвоне, по наушникам. Чтобы вообще никто из нас не филонил и не придумывал глупых отговорок! Сначала начнем понемногу, чисто чтобы мышцы разогреть, а с каждым разом будем по чуть-чуть прибавлять нагрузку. Плюс ты на плавание записалась — это тоже безумно здорово. Если хочешь, я тоже переписусь и за-

пишусь на бассейн вместе с тобой.

Катя удивленно замерла, а потом радостно и согласно закивала головой.

— Отлично, тогда нахрен этот волейбол! — решительно проговорила я.

Катя от такой моей внезапной дерзости залиvisto рассмеялась. Она буквально набросилась на меня с объятиями, то и дело горячо шепча слова благодарности.

— Я маме сегодня вечером обязательно позвоню, — продолжила я, аккуратно высвобождаясь из её крепких объятий. — Она подробно распишет, что в таких случаях нужно кушать и как правильно разделять продукты по зонам — ну, как она там это называет, «правильная тарелка». На самом деле, даже при самом строгом правильном питании можно спокойно кушать любимые конфеты. Главное — просто укладываться в суточную норму калорий. Поначалу, конечно, будет сложно. И сто процентов будут срывы, Кать. Но ты ни в коем случае не должна себя за это ругать. Просто скажи самой себе: *«Захотела — и съела!»*

Я забавно и смешно изобразила эту сцену лицом, наглядно показывая: мол, идите все нахрен, кому что-то не нравится в моей тарелке. Катя снова прыснула со смеху.

— А твой брат... — я на секунду примолкла, вспоминая его вчерашний ледяной, хамский наезд по телефону. Внутри до сих пор всё закипало, но ради Кати я заставила себя успокоиться. — Он просто по-своему переживает за тебя. Козел,

конечно, но переживает.

Пока мы так увлеченно болтали у дверей аудитории, Катю кто-то громко окликнул со спины.

— Ой, прости, я на секунду отойду, — виновато обернулась она ко мне.

— Конечно, — улыбнулась я, провожая её взглядом.

Сама же я привычным маршрутом направилась к широкому подоконнику и, устроившись поудобнее, сразу открыла книжку. Но погрузиться в чтение мне не дали.

— Привет, малявка, — неожиданно раздалось над головой, и кто-то высокий буквально навис надо мной, закрывая свет.

— Э-э-э... — я растерянно посмотрела на парня, судорожно вспоминая, где я могла его видеть.

А потом, решив не гадать, просто достала из черной сумки свой лавандовый ежедневник и открыла страницу с жирными записями. Парень терпеливо ждал.

— Ты Максим, верно? — уточнила я, найдя нужную строчку.

— Да, — улыбнулся он, с любопытством наклоняясь прямо над моим планером и пытаюсь рассмотреть, что там написано. — Ты что, реально меня туда записала? Неужели так понравился?

— Нет, просто я иногда всё забываю, память плохая, — абсолютно спокойно, без капли кокетства проговорила я. — Ты что-то хотел?

Максим снова заливисто рассмеялся, забавно вертя головой от моей непрошибаемости:

— Да нет, ничего такого. Просто поздороваться подошел, увидел тебя одну.

— Ладно, — кивнула я, закрывая ежедневник. — Привет.

Но продолжить разговор он так и не успел — по коридору эхом разнесся оглушительный звонок на пару.

— Ладно, потом поговорим, — быстро сориентировался Максим.

Он ловко сунул мне прямо в руку какую-то сложенную бумажку, тепло улыбнулся и добавил на ходу:

— Набери мне. Ну или спишемся позже.

— Зачем это?! — удивленно крикнула я ему в спину, растерянно разглядывая внезапный презент, пока он быстро уходил по коридору в сторону лестницы.

— Просто набери, ладно? — обернувшись на секунду, бросил он и окончательно скрылся в толпе студентов.

«Вот ещё, — мысленно фыркнула я, раздражённо качая головой. — Только лишних проблем мне сейчас для полного счастья не хватало».

Я небрежно сунула бумажку между страниц лавандового ежедневника и поспешила в аудиторию, так как Катя уже махала мне с нашего третьего ряда. Стоило мне опуститься на своё место и разложить канцелярию, как я тут же открыла планер. Аккуратно переписала размашистые цифры под именем Максима, а понизу с сильным нажимом вывела

строгое, подчёркнутое красным маркером предупреждение самой себе: *«Не звонить и не писать ни в коем случае!»*

Лекция оказалась безумно интересной, и я, увлѳкшись, исписала порядком пол-тетради по экономике. Строчки, графики, формулы — я даже не заметила, как пролетели эти полтора часа.

Когда прозвенел звонок, мы с Катей собрали вещи и неторопливо пошли в сторону буфета. По пути она, оглядываясь, заговорщически наклонилась ко мне и принялась рассказывать семейные новости:

— Лекс, ты представляешь, мой старший брат вчера вечером устроил дома такой допрос! Требовал, чтобы я сегодня в универе обязательно показала ему ту стерву, которая меня на линейке коровой обозвала. Там такой разнос был, он так кричал, что будет защищать меня!

— А кто твой брат? — поинтересовалась я, лениво листая лавандовый ежедневник на ходу. — На каком курсе учиться?

— Артѳм Туманов, — гордо заявила Катя, поправляя очки. — Он тут капитан университетской команды по регби, на третьем курсе учится, на бизнес-деле.

— Здорово, — максимально спокойно отозвалась я, заставляя себя мило улыбнуться. — Это правда очень хорошо, что он так защищает тебя. Повезло тебе с братом. А у меня

вот вообще нет родных братьев или сестёр. Только Поинка — двоюродная по маме, у которой я сейчас временно живу. Но она мне как родная, правда, до этого переезда мы общались в основном на расстоянии.

Я быстро открыла свой ежедневник и на ходу вписала на нужную страницу, кто такой этот Артём Туманов, иначе моя дырявая память при стрессе опять меня подведёт. Четко вывела строчку: «*Брат Кати и командир регби*». Вот так всё сразу стало предельно ясно.

По итогу мы благополучно добрались до буфета и заняли свободный столик. Из еды взяли по стаканчику прохладного апельсинового сока и по порции салата «Цезарь». Разговор шёл легко, но едва мы успели доесть, как я мимоходомглянула на часы и внутри у меня всё похолодело.

— Блин, я совсем забыла! — испуганно воскликнула я, тут же подскакивая со стула.

— Кать, увидимся уже в аудитории! Я пулей в деканат, надо успеть перезаписаться с волейбола на бассейн! — протараторила я на одном дыхании.

Я ринулась бежать к выходу, напрочь забыв о своей осторожности. На самом пороге, прямо в дверях буфета, я со всего размаху врезалась в чью-то высокую и крепкую фигуру.

— Ну, куда прёшь? — недовольно пробасил парень сверху, удерживая равновесие после сильного толчка.

— Извини! — на ходу пролепетала я, даже не глядя на того, кого сбила, и со всех ног припустила дальше по коридору

в сторону административного крыла.

Я буквально влетела в деканат и с порога принялась взволнованно обрисовывать секретарю своё внезапное желание перевестись на плавание. Женщина лениво выслушала меня, полистала какие-то списки на компьютере и в итоге ошарашила ответом: отписаться от волейбола на данном этапе уже технически невозможно, зато они могут без проблем оформить мне совмещение. Так что я могу спокойно посещать и то, и другое. Поразмыслив пару секунд, я согласно кивнула — ладно, пускай. Два занятия волейбола в неделю и два плавания в бассейне вместе с Катей — вполне сойдет для поддержания формы и выплеска стресса.

Быстро поблагодарив сотрудников, я сломя голову помчалась обратно в аудиторию, так как до начала пары оставались считанные минуты. И надо же было такому случиться — прямо в коридоре я снова нос к носу столкнулась с этим Максимом.

— Эй, малявка, ты почему мне до сих пор не набрала? — ухмыльнулся он, преграждая мне путь и складывая руки на груди.

Я лишь молча смерила его самым холодным и красноречивым взглядом, на который только была способна, и, оставив парня без какого-либо ответа, ловко обогнула его по дуге и побежала дальше. Разгадывать загадки его пафосной компании у меня сейчас не было ни времени, ни малейшего желания.

Вбежав в аудиторию под самый звонок, я увидела, что Катя уже сидит на нашем месте. Правда, её лицо почему-то было абсолютно пунцовым, а руки мелко дрожали, когда она перелистывала свой ежедневник.

— Что-то случилось? — обеспокоенно прошептала я, опускаясь на соседний стул и быстро доставая тетрадь.

— Случилось... Мой брат только что опозорил меня на весь буфет! — чуть не плача, выдохнула она.

— Как это — опозорил? — опешила я, пытаюсь связать в голове образ грозного капитана регбистов и пухленькой Кати.

— Ты, кстати, в него и врзалась, когда убегала, — вдруг тихо рассмеялась Катя, но её лицо тут же снова стало предельно серьезным.

— Я в него?! — у меня внутри всё так и похолодело. Перед глазами мгновенно всплыл высокий широкоплечий силуэт в дверях буфета, в который я со всего размаху впечаталась и даже не посмотрела, кого сбила со своей этой перезаписью на бассейн. Вот же чёрт. — Так, ладно, а он-то что сделал?

— Он вошел в буфет вместе с этой гримзой, которая на линейке обзывала меня толстой коровой, — Катя судорожно вздохнула. — Как оказалось, это Марина — его бывшая... или нынешняя, я так и не поняла до конца. Артём при всех так сильно на неё орал и унижал за то, что она меня задела! Высказал ей всё прямо при её подружках. А потом, когда он ушел, эта стерва повернулась ко мне и злобно пообещала,

что меня теперь ждут очень крупные проблемы в универе...

— Вот же зараза! — в сердцах проговорила я, чувствуя, как внутри закипает глухая ярость вперемешку с тревогой.

Образ Артёма Туманова в моих глазах стремительно менялся: из обычного заносчивого мажора по телефону он внезапно превратился в бешеного защитника, который из-за сестры разнёс собственную девушку. Но то, что эта Марина теперь решила выместить всю свою злость на беззащитной Кате, злило меня не на шутку. Свою новую подругу я в обиду точно давать не собиралась.

Пара по основам бизнеса проходила удивительно легко и беззаботно. Преподаватель, Степан Валерьевич, рассказывал тему настолько увлеченно и просто, что мы с Катей даже расслабились, старательно выводя схемы в тетрадях и то и дело переглядываясь. Всё было идеально, пока дверь в зал с глухим скрипом не раскрылась. В проеме показалась знакомая светлая макушка.

— Степан Валерьевич, можно вас на минуту? — раздался в тишине аудитории уверенный голос.

Преподаватель понимающе кивнул, прервал лекцию и подошел к парню. Максим, ничуть не смущаясь, вальяжно оперся о косяк, лениво обвел взглядом притихший зал и, как только наткнулся на меня, тут же расплылся в довольной, хитрой улыбке. Он что-то быстро прошептал Степану Валерьевичу на ухо. Тот удивленно приподнял брови, но в ответ согласно кивнул.

В следующую секунду Максим пулей забежал в зал, проигнорировал все свободные ряды и остановился прямо около нашей парты. Не обращая внимания на повисшую тишину, он бесцеремонно присел на корточки рядом со мной, заглядывая снизу вверх прямо в лицо.

— Ты мне так и не написала, — с упреком, но жутко довольно проговорил он.

— Тебе чего вообще надо?! — тут же панически шикнула я, чувствуя, как уши обдает жаром.

На нас начала в открытую пялиться вся аудитория, включая Катю, которая замерла с открытым ротом. От стыда мне захотелось провалиться сквозь землю. Я судорожно схватила свою толстую лекционную тетрадь, буквально спряталась за неё от чужих взглядов и максимально низко наклонилась к парте.

— Просто напиши мне сообщение, малявка. Одно слово, чтобы у меня твой номер был, — так же шепотом, но настойчиво гнул свою линию этот ненормальный.

— Отстань от меня, слышишь? Уходи! — яростно зашипела я на него из-за своего бумажного укрытия.

Максим лишь хмыкнул. Его рука быстрыми, отточенными движениями нырнула прямо на мою парту, и не успела я даже пикнуть, как он ловко цапнул мой мобильник, лежавший возле ежедневника. Развернувшись, он со всех ног убежал прочь из аудитории, плотно прикрыв за собой дверь.

— Эй!.. — только и смогла потрясенно выдать я, так и

оставшись сидеть на месте с занесенной над пустой партой рукой.

Устроить скандал посреди лекции и бежать за ним в коридор я просто не решилась. Катя рядом испуганно захлопала глазами, а Степан Валерьевич как ни в чем не бывало продолжил прерванную лекцию.

Прошло от силы минут пять. Дверь аудитории снова тихонько приоткрылась, Максим бесшумно проскользнул обратно к нашей парте и с легким щелчком положил телефон на прежнее место.

— Могла бы для приличия и пароль поставить на экран,
— заливисто рассмеялся он, подмигивая мне на прощание.
— А то заходи — бери что хочешь.

— Теперь уж точно поставлю, — злобно буркнула я ему вслед, судорожно хватая мобильник и проверяя, что этот блондин успел там натворить.

5.

Максим

Я впервые по-настоящему заметил её на этой душной, бесконечной линейке на заднем дворе Вышки. Толпа студентов прессовала нас со всех сторон, дышать было нечем, и какой-то торопящийся придурок из первокурсников со всей дури влетел мне прямо в плечо, из-за чего я по инерции полетел вперед и на полной скорости врезался в спину стоявшей впереди девчонки. Она аж охнула от неожиданного удара.

— Куда прёшь, ебанутый?! — тут же рявкнул я вдогонку тому бегущему дебилу, у которого явно отсутствовали тормоза.

Девчонка резко, недовольно обернулась ко мне, тяжело дыша и явно собираясь высказать всё, что думает о моих манерах. Я сориентировался мгновенно: включил всё свое обаяние и сделал вид, что это вообще не я в неё впечатался, а исключительно тот улетевший баран.

«Прости, мелкая, тут у людей явные проблемы с личными границами», — выдал я самую дружелюбную из своих улыбок, внимательно её разглядывая. Я был уверен, что она сейчас начнет рявкать на меня в ответ, качать права или строить из себя обиженную королеву, как это обычно делают девчонки в Вышке. Но она... лишь забавно стушевалась. Упрямо поправила воротничок блузки, буркнула свое тихое

«нормально» и уставилась на меня огромными карими глазами.

Маленькая совсем. Хрупкая. Смешная такая среди всей этой разодетой толпы. Она сразу зацепила меня чем-то таким странным, глубоким, чего я в ту же секунду даже сам понять и объяснить не мог.

Катьку Туманову, которая стояла прямо рядом с ней, я узнал сразу. Ещё бы её не узнать — я к Артёму в гости приезжаю чуть ли не каждую неделю, эту девчонку в очках сто раз видел. Но Катька от шока даже виду не подала, что мы знакомы, только глаза округлила. А потом на них переключилась Марина. Эта стерва знатно получила от меня на орехи прямо там, на месте — я жестко осадил её пафос, чтобы не лезла к новичкам, но Марина лишь недовольно сморщила нос и сделала вид, что ей плевать.

Позже, когда линейка наконец закончилась, я снова увидел эту малявку в коридоре. Она забралась с ногами на широкий мраморный подоконник, уткнулась в какую-то толстую книгу и вообще никого вокруг не замечала. Время от времени она отрывалась от страниц, оглядывала шумящий коридор абсолютно пустым, равнодушным взглядом и снова уходила в свой мир. Я уже собирался подойти, но не успел — за ней пришел этот урод Марат со второго курса логистики.

Я замер у стены, наблюдая, как эта тихая книжная девочка ловко напялила на голову чужой черный шлем с какими-то дурацкими девчачьими косичками и спокойно уехала с ним

«двойкой», намертво прижавшись к его кожаной куртке.

Меня в этот момент изнутри аж скрутило всего от какой-то бешеной, неожиданной злости. Шараф и эта малявка? Какого хрена? Весь оставшийся день я только и думал о её лавандовом ежедневнике, и сегодня утром я твердо решил: мне плевать, на каком байке она сюда приезжает. Эта девочка будет моей.

Если встречается с Шарфом, значит отобью.

Притоптал к ней как дурак, надеясь на нормальный разговор, а она меня даже не вспомнила, пока со своей этой плохой памятью не заглянула в ежедневник. Мне тогда до безумия интересно стало, что же она обо мне там написала, но этот чертов звонок на пару испортил весь момент. Пришлось быстро всунуть ей в руку листок со своим номером телефона.

Весь оставшийся день я места себе не находил — она мне так и не написала, вообще проигнорировала. Туман то и дело хмурился, бесился и шпынял меня за то, что я вечно залипаю в экран или летаю где-то в облаках, а я просто тупо ждал хотя бы одну гребаную строчку. В итоге у меня окончательно сдали нервы. Я психанул, отпросился у нашего препода выйти и в полушутку пообещал ему огромную благодарность за помощь, под подмигивания пацанов выдав, что у меня тут сердце от любви разрывается. Препад лишь понимающе кивнул и отпустил — он в этих амурных делах у нас знаток, мыто его за два года учебы как облупленного выучили.

Когда я бесцеремонно ворвался к ней на лекцию по бизнесу и сел на корточки у парты, малявка вся аж пунцовая стала от жуткой неловкости, пытаясь спрятаться за тетрадь и прогоняя меня на глазах у всей аудитории. Она, оказываясь, и близко не собиралась мне писать!

Ну, я не растерялся и технично вышел из положения: просто внаглую стырил её мобильник прямо с парты и свалил в коридор. У нее на экране даже банального пароля не стояло — заходи и делай что хочешь. Я быстро набрал свой номер, сделав дозвон, чтобы её контакт наконец-то у меня сохранился. А потом не удержался, на пару минут залез в её галерею и скинул себе на память парочку её чертовски милых фоток. Обратно в свою аудиторию я возвращался уже с довольной, растянутой до ушей улыбкой.

— Ты где, бл**ь, витаешь? — недовольно проворчал Туман, когда мы уже вечером стояли в раздевалке спорткомплекса и переодевались перед жесткой тренировкой на поле.

А я реально ни хрена вокруг себя не замечал. Ещё пару часов назад я настроил малявке первое сообщение — что-то в духе:

«Привет, а вот и я».

И с тех пор она глухо молчала. Грёбаные два часа экран моего телефона оставался девственно чистым. В голову уже

лезли самые паршивые мысли: может, я ей вообще нахрен не понравился со своими дурацкими подкатами? Или она просто испугалась такого бешеного напора на лекции?

Я в психах взъерошил свои и без того растрепанные волосы, со стуком закрыл шкафчик и повернулся к другу:

— Слушай, Артём... Если девчонка молчит больше двух часов, это значит, что всё совсем плохо? Или она просто меня мурыжит ради приличия?

— Смотря что у вас с ней вообще было, — лениво отозвался Туман, даже не поднимая головы и сосредоточенно что-то печатая в своем собственном мобильнике.

— В том-то и дело, что ни хрена не было! — выдохнул я, затягивая шнурки на бутсах. — Мы только-только познакомились сегодня.

— Тогда она тебя, наверное, просто мысленно послала, — громко заржал Артём, откровенно стебясь над моей внезапной драмой.

Ему-то легко было зубы скалить — он привык, что бабы за ним толпами бегают, а у меня внутри из-за этой тихой первокурсницы с ежедневником всё горело.

Я ещё раз залез в карман, вытащил мобильник и проверил чат — глухая, бл**ь, тишина. Экран по-прежнему оставался девственно чистым.

— Бл**ь! — в сердцах выругался я на всю раздевалку.

Обычная, тихая, ничем не примечательная первокурсница, а у меня из-за неё крыша едет. Я что, теперь лужицей

должен расплываться перед ней и на задних лапках ходить, что ли? В психах я швырнул телефон обратно на скамейку и со злостью схватил регбийный мяч, готовый разорвать его на части.

Но стоило мне сделать всего один шаг в сторону выхода на поле, как в башке внезапно щелкнуло, и до меня дошло, какой же я мудака. «Привет, а вот и я» — полетело ей в чат два часа назад. А я — это вообще кто?! У неё же моего номера в помине не было, пока я её трубку ковырял! Она же понятия не имеет, от кого этот бред прилетел!

Я со всех ног бросился обратно, на ходу едва не сбив Тумана, снова схватил мобилу и судорожно настроил второе сообщение:

«Это Макс с третьего курса».

Коротко и ясно. Сбросив этот груз, я со спокойной душой закинул телефон в рюкзак и побежал на тренировку. Ладно, сейчас хорошенько разомнусь, побегаю на поле, выплесну весь этот адреналин, а там, глядишь, после душа и ответ от малявки прилетит.

Игра на поле шла откровенно стремно — парни из команды расслабились в край, катали мяч как сонные мухи, и Туман то и дело яростно рывкал на всех, пытаясь растолкать этих тюленей. Вдобавок на первых рядах трибун сидели девчонки-черлидерши. Они шумели, хихикали и знатно отвлекали вообще весь состав от нормальной тренировки. Кристина, лучшая подруга Марины, то и дело активно махала

мне рукой и строила глазки, а я, как нормальный пацан, не дурак был половить её воздушные поцелуи прямо посреди пасов. А чё бы и нет? Внимание девчонок я всегда любил, скрывать тут нечего. Особенно от Крис.

Артём всю эту клоунаду на трибунах прекрасно видел. Когда мы бежали к замене, он подлетел ко мне и всю заржал на ходу:

— Слышь, Макс, ты же мне еще в раздевалке жаловался, что тебе какая-то девчонка уже два часа на сообщения не отвечает? Это не Кристина, случаем?

— Да не, бери выше, точно не она! — ухмыльнулся я, вытирая пот со лба. — Там совсем другая малявка. Лайтовая такая, хорошенькая первокурсница, настоящая отличница. А эта Кристина... так, обычная стерва меркантильная, чисто на один вечер поразвлекься.

— На первокурсниц, значит, потянуло? — Артём удивленно приподнял бровь, оценивая мой внезапный интерес к новичкам.

— Да ты бы просто видел её... — улыбнулся я, поймав себя на том, что мечтательно завис, вспоминая её огромные карие глаза. Но тут же резко посерьезнел и ткнул в Тумана пальцем: — Но даже не смей в её сторону думать, понял? Она моя.

Артём от такого собственнического наезда лишь весело поднял ладони вверх, сдаваясь без боя.

— Да вообще без проблем. Понятия не имею, о ком ты

там бредишь, но ок, забирай свою отличницу, — заржал он и побежал дальше по полю.

Вернувшись с поля после горячего душа, я первым же делом коршуном бросился к своему шкафчику, схватил телефон и... резко, во всю глотку рывкнул на всю раздевалку. Пацаны из команды от неожиданности аж подпрыгнули на месте, выронив полотенца, а Туман лишь лениво повернул голову в мою сторону, скептически приподняв бровь.

— Она, бл**ь, явно надо мной издевается! — взбесился я, до белых нанятых пальцев сжимая мобильник, на экране которого по-прежнему висела глухая тишина. — Чего тут сложного-то?! Ответить хотя бы обычное «привет» руки отвалятся?!

— Да хорош тебе хернёй страдать, — лениво проговорил Артём, накидывая на плечи сухое худи. — Она же первокурсница, маленькая ещё. Может, ты её просто напугал в первый же день своим дебильным напором, — вовсю заржал он, застегивая сумку.

— Ну уж нет... — процедил я сквозь зубы, запихивая телефон в карман. — Я ей завтра на парах такое устрою, на всю жизнь запомнит.

Закончили мы игру около девяти вечера. Сил не было вообще, всё тело гудело после тренировки. Мы с Туманом лениво потащились на выход из корпуса, как вдруг впереди, у самых дверей, замельтешила знакомая фигура Катьки — сестры Артёма. А рядом с ней — черт бы её побрал — шла

малявка. Они, так же как и мы, только что вышли из здания Вышки и всюду трепались о чём-то, заливисто смеясь на весь бульвар.

Но порадоваться моменту я не успел. В следующую секунду тишину Покровки разорвал утробный, раскатистый гул, и прямо к крыльцу подкатил этот грёбаный Марат на своем матовом байке. Урод е***ый. Он лениво протянул ей всё тот же дебильный шлем с косичками, а потом и вовсе, сука, сам наглейшим образом напялил его ей на голову.

Внутри меня от этой картины всё просто по швам треснуло от бешеной злости.

— Может, она мне, бл**ь, не отвечает, потому что с этим уродом двухколёсным встречается? — процедил я сквозь зубы, толкая Тёмыча в плечо.

Туман лениво перевёл взгляд в сторону девчонок и громающего байка, оценивая диспозицию.

— Ты чё, реально втюрился в эту подружку самоубийцы? — всю заржал он, поправляя спортивную сумку на плече. — Поверь, Макс, такая любовь точно долго не протянет. Будешь потом её со слезами с асфальта соскребать.

— Да пошёл ты нахрен! — огрызнулся я.

Меня переклинило окончательно. Напрочь забыв про усталость, я напрямик направился к их троице, злой как сто чертей.

— Макс, да хорош тебе, тормози! — крикнул мне Туман вдогонку, но мне уже было абсолютно пох**.

Я подлетел к ним коршуном, даже не глядя на логиста, и сразу рывкнул на сестру Артёма:

— Катерина! Шагом марш отсюда, там тебя брат ждёт у машины!

Катя от такого резкого наезда испуганно выпучила глаза и замерла на месте.

— Ты чё, оглохла, не слышала?! — надавил я.

— Слышала, слышала... — тут же испуганно заморгала она, трусливо пятясь назад к Артёму. — Ладно, Лесь, пока! До завтра!

Малявка только и успела, что растерянно помахать ей вслед рукой. Она уже собиралась закинуть ногу, чтобы залезть на пассажирское сиденье байка, но хрен там плавал. Я резко, со всей силы дёрнул её за руку на себя, вырывая из-под носа у Шарфа. Одним движением сорвал с её головы этот дурацкий шлем с косичками и с размаху швырнул его прямо в грудь Марату.

— Катись отсюда нахрен на своем самокате! — гаркнул я ошалевшему логисту, который от такой наглости аж за руль схватился. — Я сам её до дома довезу!

Я железной хваткой сжал её запястье и потянул в сторону своей машины. Самое смешное, что малявка от такого шока даже орать не начала — она лишь молча, растерянно моргала, то и дело испуганно поглядывая то на меня, то на своего этого парня... или друга, хрен их там разберешь, кто они друг другу.

— Ты с ума сошёл, что ли?! Отпусти! — панически зашипела она мне в плечо, но при этом ногами перебирала на удивление быстро, послушно шагая за мной на своих босоножках.

— Лесь! — яростно крикнул сзади Марат, пытаюсь поставить байк на подножку.

— Я сейчас, Марат, всё нормально! — крикнула она ему в ответ.

— Катись, я сказал! — ещё раз рывкнул я в сторону парковки, окончательно блокируя все возражения, подтащил её к своей тачке и буквально запихал на переднее пассажирское сиденье.

— Макс, ты чё творишь?! — подлетел сбоку ох***ший от такого перформанса Артём.

— И ты катись нахрен, Туман! — гаркнул я лучшему другу прямо в лицо, с размаху захлопнул водительскую дверь, врубил первую передачу и с диким ревом и пробуксовкой сорвался с места, оставляя всю эту ошарашенную толпу далеко позади в клубах дыма.

— Ты сумасшедший, что ли?.. — прошептала она тонким, дрожащим от шока голосом, испуганно оборачиваясь назад, словно надеялась, что Шараф на своем байке уже летит за нами в погону.

— Пристегнись, — коротко отозвался я, даже не глядя на неё и уверенно лавируя между рядами на вечернем Садовом. В салоне повисло тяжелое, наэлектризованное молчание.

Злость внутри меня потихоньку уступала место глухому, давящему чувству вины. Ну перегнул, признаю. Великий Макс включил пещерного человека и устроил дикий захват заложников прямо на Покровке.

— Ты не отвечала, — глухо проговорил я, крепче сжимая руль и упрямо глядя вперед, на бесконечный красный поток габаритных огней машин. — Целых два гребаных часа тишины в чате.

— Я... — малявка осеклась.

Она тут же судорожно зашуршала своей черной сумкой, выживая оттуда телефон. Засветился экран.

— У меня бассейн вообще-то был, — тихо, но с явным возмущением отозвалась она, листая пропущенные. — Мы с Катей ходили.

— Значит... ты просто не видела мои сообщения? — уже гораздо более спокойно и с колоссальным облегчением в груди спросил я, бросая на неё быстрый взгляд.

— Нет, не видела, — она со стуком заблокировала мобильник и сердито повернулась ко мне всем телом. — Теперь, когда всё выяснилось, ты можешь наконец развернуть машину и вернуть меня назад к университету?

— Я же уже сказал, что сам довезу тебя до дома, — отрезал я, не собираясь упускать эту поездку. — Адрес свой скажешь?

— Нет, не скажу! Высади меня прямо здесь, на этой остановке, — упрямо потребовала она. — Я без проблем на ав-

тобусе доеду.

— Автобусы в это время уже не ходят, — соврал я с самым честным видом, надеясь закрыть тему.

— Ходят! Они ходят до одиннадцати вечера, — моментально срезала малявка, уличив меня во лжи, и победно вздернула свой аккуратный носик.

— Послушай, в чём твоя грёбаная сложность просто нормально пообщаться? — сорвался я, резко оборачиваясь к ней на красном сигнале светофора. — Из-за того, что ты встречаешься с этим двухколёсным? Или тебя в принципе больше байки привлекают? Может, ты думаешь, что у него денег больше или статус повыше, чем у парней с нашего курса?

— Ты точно сумасшедший, — тихо, но с пугающим спокойствием проговорила она и демонстративно отвернулась к боковому окну.

— Возможно, — хищно усмехнулся я, снова трогаясь с места. — Так что с моими вопросами?

Алекса медленно развернулась ко мне. Её карие глаза опасно сузились, и она, к моему полному шоку, принялась методично и чётко загибать свои тонкие пальцы, отвечая по пунктам, как на грёбаном экзамене:

— Во-первых, нет, мы не встречаемся. Во-вторых, да, меня привлекают байки. И в-третьих, нет, статус и чужие деньги мне абсолютно не важны.

Она сделала короткую паузу, а в следующую секунду вы-

дала такое, от чего я чуть руль из рук не выпустил и натурально обомлел. Алекса загнула ещё один палец и отчеканила, глядя мне прямо в упор:

— И самое главное, Максим. Мы не будем с тобой дружить, общаться и делать всё остальное, чего бы ты там себе ни придумал. Я не собираюсь играть в ваши элитные игры и быть очередной безмозглой душой под тип вашей Марины. Так что останови машину.

— Если ты сейчас же не назовешь мне свой адрес, я просто отвезу тебя к себе домой! — упрямо отрезал я, сильнее сжимая руль и демонстративно прибавляя газ.

— Боже, ты ведёшь себя как маленький ребёнок! — Алекса в психах всплеснула руками. — Я не скажу тебе адрес только потому, что ты сразу себе хрен пойми чего надумаешь! Будешь потом шастать туда каждый день, а то и вовсе друзьям своим разболтаешь, и вы устроите там свои тупые мажорские приколы. Знаем мы таких, проходили уже, имели дело!

— Значит, этому своему Маратику ты, бл**ь, доверяешь на все сто? — внутри меня снова вскипела глухая ревность.

— Мы давно знакомы, ясно тебе?! — жестко отчеканила она. — И тем более он живёт в соседнем подъезде. Так что да, я ему доверяю!

— В соседнем, говоришь? — я удивленно вздёрнул бровь, и на моем лице сама собой расплылась хищная, победная ухмылка.

Какая же ты ещё наивная, малявка. Я резко, со свистом резины заложил крутой вираж, разворачивая машину на ближайшем перекрестке в сторону спальных районов.

— Класс! Значит, можешь вообще ничего не говорить, — искренне усмехнулся я, лениво откидываясь на спинку сиденья.

Она сама только что сдала мне все карты. Потому что я прекрасно знал, в каком именно дворе паркует свой чёрный матовый Kawasaki этот придурок Шарафутдинов.

Она тяжело выдохнула, устало потеряла переносицу и снова развернулась ко мне всем телом:

— Чего ты вообще от меня хочешь? Чего прицепился? Я тебя знать не знаю. И ты меня тоже видишь второй раз в жизни.

— Ну так давай познакомимся нормально, — я перевел на неё взгляд и улыбнулся своей самой безотказной улыбкой.

— Нет, — отрезала она без единой секунды раздумий.

— Почему?

— Не хочу.

— И это твой окончательный ответ?

— Да.

И ровно на этом слове я резко затормозил прямо у её подъезда. Двор был старым, пятиэтажка-сталинка, и подъездов здесь было всего два, так что вычислить нужный по припаркованному байку Шарафа не составило никакого труда.

— Ты даже нормально не подумала над моим предложением.

нием, — повернулся я к ней, глуша мотор.

— Подумала, — коротко бросила малявка.

Она спокойно открыла пассажирскую дверь и вышла из машины, при этом чертовски аккуратно, бесшумно закрыв её за собой. Ну бл**ь, идеальная вся, ни к чему не придерешься! Никаких истерик, никаких хлопаний дверьми.

Меня это её ледяное спокойствие доконало окончательно. Я резко выскочил из салона, с размаху хлопнув своей дверью так, что эхо разнеслось на весь тихий район.

— Лесь!.. — окликнул я её, делая шаг к крыльцу.

— Спасибо, что подвез, — не оборачиваясь, бросила она, уже доставая ключи от домофона.

— Лесь, бл**ь! — в два прыжка я нагнал её у самой двери и собственнически перехватил за руку.

— Максим, верно? — она удивленно вскинула брови, словно судорожно пыталась вспомнить моё имя, и меня это задело просто ниже пояса.

Она что, нахрен, придушивается сейчас передо мной или у неё реально память такое дерьмо, что она имя парня, который её через всю Москву вез, вспомнить не может?! Я лишь намертво сжал челюсть, чувствуя, как внутри всё ходит ходуном от злости.

— Как там у вас, у девочек, обычно говорят в таких случаях? — малявка грустно и как-то совсем просто улыбнулась, аккуратно высвобождая свое запястье.

— Дело не в тебе, дело во мне. Поэтому... пока, Максим.

— Извини, ладно? — проговорил я гораздо тише, чувствуя, как вся моя спесь окончательно испаряется под её спокойным взглядом.

— За что это? — она удивлённо обернулась у самой двери, зажав в руке связку ключей.

Я не стал ничего объяснять. Вместо этого просто шагнул к ней, мягко притянул её за плечи на себя и поцеловал. Без всякого пошлого напора, без мажорной наглости — просто на секунду прижался своими губами к её прохладным, удивлённо приоткрытым губам.

И сразу же отстранился. Развернулся и молча пошел обратно к своей машине.

«Не оборачивайся и не гляди на неё. Даже не думай», — жестко приказал я сам себе, крепче сжимая кулаки в карманах. Оставь это право за собой. Пускай теперь сама стоит у своего подъезда и ломает голову над тем, что это сейчас было.

Вернувшись наконец-то домой, я первым делом швырнул мобильник на зарядку, чтобы не мозолил глаза. Быстро перекусил бутербродами, на автомате почесал за ухом крутившуюся под ногами собаку и залез в душ, пытаясь смыть с себя этот безумный день. После этого приготовил нужные тетради на завтра, открыл ноут и завалился на кровать. Мне по-

зарез нужно было хоть на что-то отвлечься и трезво осмыслить, что я, мать твою, сегодня натворил. Картинка не складывалась: я силой заставил девчонку с собой общаться, хотя толком её не знаю, закатил сцену ревности, угнал из-под носа у Шарафа, внаглую поцеловал. . . И всё это сделал я, чувак, который никогда не бегал за бабами.

На телефоне тем временем всю мигал индикатор — там висела куча пропущенных и сообщений от Тёмыча. Я лениво перезвонил ему по громкой связи, а сам стал параллельно искать какой-нибудь фильм на вечер, чтобы забить голову.

— Долго ты мне ещё будешь трубку рвать? — проворчал я в экран, лениво крутя колесико мышки.

— Ты грёбаный придурок, Макс! — тут же полетело из динамика. — Я надеюсь, ты её там по дороге хоть не прикончил? Ты что вообще устроил на Покровке?

— Конечно, нет, — усмехнулся я, стараясь, чтобы голос звучал как можно беззаботнее. — Мы просто мило поболтали, и я отвез её до дома.

Соврал и даже не поморщился. А потом рука сама потянулась к скинутым файлам, и я сам не заметил, как вывел на большой экран ноута её фотку из галереи. На снимке Алекса стояла возле цветущей сакуры и искренне, тепло улыбалась. Волосы слегка трепал ветер, лицо загорелое, глаза горят — живая, счастливая. Абсолютно не такая, как в универе.

— Эй, ты чё, оглох там, что ли? — резко вывел меня из ступора громкий голос Тумана.

— А? Что? Чего ты там говорил? — я тряхнул головой, отрываясь от экрана.

— Говорю, завтра тренировка строго в четыре дня, — повторил Артём на повышенных тонах. — У меня потом дела, а в субботу у нас важная игра, понял?

— Понял, понял.

— Короче, соберись, Макс! Мне нахрен в команде влюбленный дурак не нужен из-за какой-то там первокурсницы. Хватит страдать.

— Тём... ты видел, какая она красивая? — тихо отозвался я, напрочь проигнорировав его наезд и продолжая залипать на фото.

— Нет, не видел! Ты втащил её в тачку как личную собственность, я только её свитер и разглядел, — буркнул Туман.

На моих губах сама собой растянулась довольная улыбка: — Да... Втащил.

Я просто дико хотел, чтобы она была моей. Она такая тихая с виду, но одновременно чертовски бойкая внутри. Мне хотелось завоевать её ради интереса.

Попрощавшись с другом, я сбросил вызов и ещё пару секунд покрутил телефон в руках. Руки сами потянулись к чату. Долго думать не стал, просто набрал:

«Доброй ночи, малявка».

Отложил мобилу на тумбочку, уверенный, что ответа буду ждать до самого утра, если она вообще не закинет меня в

черный список после всего, что случилось у её подъезда. Но, к моему огромному удивлению, экран загорелся всего минут пять спустя.

Прилетело короткое:

«Сам дурак».

Я в голос заржал на всю комнату, откидываясь на подушки. Ну всё, бл**ь, прогресс пошел! Это уже хоть что-то, реальный сдвиг. По крайней мере, это не глухой мороз и не тотальный игнор, который она врубала на лекциях. Зубки свои она показывать умеет, и это заводило меня ещё сильнее.

6.

Артём

Я сидел за рулем Мустанга, злобно постукивая пальцами по обшивке, пока Катька на соседнем сиденье судорожно, чуть ли не ломая ногти, набирала сообщение в своем мобильном. Её буквально колотило.

— Чего ты трясешься? — хмуро проворчал я, выруливая со двора университета на переполненную вечернюю улицу.

— Твой друг... он совсем голову, что ли, потерял?! — Катька не выдержала и натурально разревелась, размазывая слезы по щекам и поправляя съехавшие очки. — Что это вообще за выходка была?! Куда он её повёз?! Зачем силой в машину утащил?!

— Да всё нормально с ней будет, чего ты так переживаешь, — буркнул я, хотя внутри меня самого уже всё клокотало от ярости.

Под конец я и сам конкретно разозлился из-за этих двух придурков. Меньше всего мне сейчас нужно было, чтобы Катя из-за дикого стресса снова сорвалась и побежала заедать свои переживания. У неё ведь только-только начало хоть что-то получаться! Вчера и сегодня она держалась просто отлично, нашла эту свою Лесю, радовалась как ребенок. И тут Макс устраивает это тупое шоу с похищением.

Я нажал кнопку на руле и прямо через динамики машины

начал набирать его номер. Гудок, второй, третий... Глухо. Макс упорно не брал трубку.

— Не берет, — процедил я сквозь зубы, сбрасывая вызов.

— И Леся тоже не отвечает, — всхлипнула сестра, растерянно глядя на экран своего телефона.

В такой наэлектризованной тишине мы и доехали до нашего особняка. Но даже когда мы приехали домой, Макс всё равно упорно не выходил на связь, сука такая. Катька сразу же пулей взлетела на второй этаж и закрылась в своей комнате. Проходя мимо её двери, я уловил приглушенный звук — мелкая явно с кем-то взволнованно говорила по телефону. Я аккуратно приоткрыл дверь и заглянул внутрь.

— Ну чё? — тихо уточнила моя поднятая бровь.

— Дома, — прошептала Катька, и на её заплаканном лице наконец-то расплылась счастливая, облегченная улыбка.

— Ну, хоть что-то, — выдохнул я и прикрыл дверь.

Эта девчонка Леся явно намертво засела у сестры в голове, раз она так бешено за неё переживает. А я ведь эту Катькину подругу толком даже и не видел ни разу за эти два дня. Вечно она ко мне то спиной стояла, то в этом огромном байкерском шлеме с косичками пряталась, хрен разглядишь. Но раз уж Макс — парень, который никогда не бегал за бабами, — так капитально поплыл с первого взгляда, значит, в этой первокурснице точно что-то было. Впрочем, это сто процентов не мой вариант, я знал это совершенно точно. Терпеть не мог серых тихонь со стеллажами книг. Да и Макс, скорее все-

го, перебесится как обычно: поприкалывается неделю-другую, наиграется и бросит это дело, как он всегда и делал.

В итоге этот влюбленный олень связался со мной сам уже ближе к ночи. Счастливый, бл**ь, как хрен знает кто. По голосу было слышно, что он витает где-то в розовых облаках, и этот его дебильный тон меня аж знатно взбесил. Раскис из-за бабы прямо перед сезоном! Пришлось даже жестко пригрозить ему субботней игрой и вылетом из состава, если он и дальше продолжит развешивать свои сопли по раздевалке.

Я спустился на кухню, чтобы наконец-то нормально пожрать, и следом за мной в дверях нарисовалась Катька. Она сразу же целенаправленно поползла к холодильнику. Я замер с вилкой в руке, мысленно потирая виски:

«Ну всё, думаю, капец мелкой, сейчас опять начнётся ночной жор на фоне переживаний».

Но, к моему огромному удивлению, она просто покопшилась на полках, достала обычную бутылку воды и, не отрывая взгляда от экрана, уселась за стол, продолжая судорожно что-то печатать.

— Милая, подойди на минуту, — позвала её мама из гостиной, и Катька послушно поднялась, оставив не заблокированный телефон экраном вверх прямо возле моей тарелки.

Я, не долго думая, тут же бесцеремонно заглянул в её мобильник. На заставке вместо нормального фото стояла какая-то ванильная картинка девчонки с книгой в руках.

«Ну ещё бы, кто бы сомневался», — цинично подумал я,

закатив глаза. В открытом чате они с этой Лесей вовсю обсуждали какую-то слащавую книжную ерунду, но моё внимание привлекла последняя строчка. Катька на полном серьёзе настрочила подруге:

«Я поговорю с Артёмом, он сам тебя завтра после пар отвезёт домой».

Чего, нахрен?! У меня аж кусок в горле застрял. Я?! Повезу какую-то левую первокурсницу в её спальный район?!

Но следом на экране высветилось ответное сообщение от Леси:

« Не нужно, меня завтра доведёт Марат».

«Ну конечно, бл**ь, Марат! Кто же ещё!» — искренне рассмеялся я, откидываясь на спинку стула. Ситуация принимала просто шикарный оборот. Если Макс завтра узнает, что его драгоценная малявка снова собирается оседлать этот чёрный матовый байк, он точно нахрен бошку откусит и этому логисту, и ей заодно. А моя Катька на фоне всего этого грандиозного махача сто процентов опять сорвётся и будет заедать стресс килограммами печени.

Катя вернулась из гостиной, плюхнулась обратно на стул и как-то слишком ласково протянула:

— Тёмочка-а-а...

Я сразу просек эту фишку и мысленно усмехнулся — я уже заранее знал, чего эта лиса от меня захочет. Спокойно сложил руки на груди, откинулся на спинку стула и сделал максимально внимательный, серьёзный взгляд:

— Ну, выкладывай.

— Слушай, Тём... — она замялась, поправляя очки. — Можешь Алексу завтра после учебы до дома довезти? Она просто на волейбол записалась, а у вас как раз тренировка в спортивном комплексе в это же время. Закончите вместе, тебе же не сложно?

— А как же Макс? — я ехидно прищурился, прощупывая почву. — Он же её сегодня так красиво на тачке укатил.

— Нет! — тут же панически вскрикнула Катька, едва не пролив свою воду. — Ему ни в коем случае нельзя! Артём, скажи своему другу, чтобы он вообще близко к ней не лез! Он же бабник известный, поматросит и бросит, только сердце ей разобьет. А Алекса не такая, она хорошая!

— Ладно, ладно, остынь, — отозвался я, качая головой. — Допустим. А что на счёт этого её логиста на драндулете? Марата?

Катька насупилась. Ситуация вырисовывалась просто х**вая, если честно. Если завтра на парковке опять нарисуются Шараф со своим шлемом, Макс с ним точно намертво подерется. Либо мой сумасшедший друг снова внаглую вырвет девчонку из лап этого байкера, устроив шоу на всю Покровку. А я, как лучший друг Макса, буду стоять в стороне и молчать? Ага, щас. Пацаны из команды меня не поймут.

— Если сама согласится — окей, подвезу, — нехотя проворчал я, ставя пустую тарелку в раковину. — Но насильно тащить её в салон я точно не буду. Не захочет — пускай вон

на автобусе пилит.

— Злой же ты, Артём, — обиженно протянула Катька, с противным скрипом отодвигая стул от стола. — Ладно, раз ты такой бука, я тогда Валерку попрошу её забрать.

— Ну хрен тебе, поняла?! — тут же подскочил я с места, и внутри у меня всё похолодело.

Этот её Валерка из параллельной группы — конченный камикадзе, который за последний год умудрился в хлам разбить три тачки! Ему деревянную лошадь доверить страшно, не то что живых людей возить.

— Тогда договорились! — Катька моментально расплылась в хитрой, победной улыбке, вообще не оставляя мне ни единого шанса на отступление.

— Чёрт... — глухо буркнул я, потирая виски и понимая, в какую знатную ловушку меня только что загнала собственная сестра.

Макс мне за это завтра точно бошку отшибёт на первой же перемене. Он ведь сегодня в раздевалке предельно ясно дал понять, чтобы к этой малявке вообще никто близко не подходил. А тут я — лучший друг, капитан команды — самолично сажаю его «собственность» на переднее сиденье своего Мустанга. Завтра на Покровке будет очень весело.

Ну и, конечно, как же наше утро в Вышке могло обойтись

без очередной гребаной комедии. Стоило мне припарковать Мустанг на нашем привычном месте, как Катька пулей вылетела из салона и навсех парах понеслась в сторону Марата. Подбежала к его черному матовому аппарату и сразу вся такая застеснялась, заулыбалась, а этот козлина двухколесный ей стоит и вальяжно подмигивает. Меня аж передернуло, я лишь крепче сжал руль до белизны в костяшках.

В это же время Леся в своей короткой юбке, которая вчера лишила покоя весь наш поток, грациозно спрыгнула с пассажирского сиденья байка и отдала Марату шлем с косичками. Они с Катькой радостно обнялись, как сто лет не виделись, но семейную идиллию прервали. Как из-под земли перед ними вырос Макс. Он на ходу злобно буркнул что-то Марату, по-хозяйски перехватил девчонок под белы ручки и потащил обеих внутрь корпуса.

«Идиот же ты, Макс, ну какой же идиот...» — обреченно покачал я головой, глядя на этот цирк.

Я неторопливо вышел из тачки, поправил лямку спортивной сумки и подошел вплотную к Шарафутдинову, который как раз вешал шлемы на зеркала.

— Больше не вози её, — проговорил я максимально спокойно и тихо, глядя ему прямо в глаза.

— А то что? — Марат дерзко рассмеялся, даже не подумав сдать назад. — Снова, как в прошлом году, мой байк во дворе расшибете?

— Это были не мы, идиот, — процедил я сквозь зубы,

сокращая расстояние между нами. — Но если ты в этот раз меня ослушаешься и продолжишь катать её «двойкой» — я лично подгоню строительный кран отца и скину твой драндулет с сотого этажа. Понял меня?

— Да пошёл ты, — грубо сплюнул он под колеса своего Кавасаки, даже не думая вестись на мои угрозы. — Она тебе не кукла твоя очередная, урод. Девчонка попросила подкинуть до учебы — я подкинул. Мы соседи, если ты, бл**, ещё не понял.

Его дерзкий тон знатно резанул по ушам, но устраивать махач прямо перед входом, на глазах у кучи кураторов и первокурсников, я не собирался. Не тот уровень.

— Ты меня прекрасно услышал, Марат, — ледяным тоном повторил я, в упор глядя на эту его самоуверенную рожу, а затем развернулся и ровным шагом направился к стеклянным дверям вуза.

Сегодня башка вообще отказывалась варить, а этот тупой бизнес-план, который препод с самого утра пытался вбить нам в головы, никак не хотел укладываться в памяти. Я буквально вытекал из одной аудитории в другую, передвигаясь чисто на автомате и мечтая только о том, чтобы этот день побыстрее закончился. Но всё изменилось, когда нашу лекцию наконец соединили с первым потоком первокурсников.

Вот тут-то я сразу и разглядел эту Лесю.

Они с Катькой уютно устроились на широком подоконнике в конце коридора и обе самозабвенно читали свои книжки, параллельно что-то увлеченно вписывая в блокноты. У Леси в руках был лавандовый ежедневник, а у Катьки — новый, ярко-жёлтый. Ну настоящие ботанички, ей-богу! Девчонки без конца перешептывались, тихонько хихикали и то и дело весело тыкали пальцами в страницы друг другу.

Глядя на них, я поймал себя на мысли, что мне чертовски приятно за сестру. Катька так быстро нашла себе верную, нормальную подругу. Она реально изменилась буквально за пару дней: стала намного больше шутить, открыто смеяться и теперь висела на связи с этой мелкой чуть ли не 24 на 7.

Вдруг над головой оглушительно прозвенел звонок на пару. Леся испуганно вздёрнула голову, и её огромные карие глаза принялись растерянно осматривать всё вокруг. При этом она скользнула по мне абсолютно пустым взглядом, вообще ни разу меня не заметив. Бл**ь, даже как-то обидно стало, если честно. Капитан сборной по регби стоит в двух шагах, а для неё он — пустое место.

Девчонки ловко спрыгнули сподоконника, подхватили свои сумки и прошли прямо мимо меня. И снова — ноль внимания, ни единого взгляда в мою сторону. Но стоило ей поравняться со мной, как я почувствовал, что от неё отчетливо пахло сладкой виноградной жвачкой. Чертовски приятный запах.

Макс где-то знатно опаздывал и до сих пор хрен знает где шлялся, так что я вошёл в аудиторию один и целенаправленно уселся на ряд прямо за их спинами. Игра становилась всё интереснее.

«Ты где вообще, чувак?» — быстро набрал я Максу под партой, пока препод раскладывал свои бумажки у трибуны. Ответ прилетел почти мгновенно:

«Я пас, у меня тут дома проблемы, пришлось срочно свалить. Буду строго к 4 на трене».

Ну зашибись, здорово, подумал я, убирая мобильник.

Всю лекцию девчонки впереди сидели молча, усердно строча конспекты. Но в какой-то момент телефон Леси начал вибрировать на парте как ненормальный, буквально разрываясь от уведомлений. Самое интересное, что Катька тут же бесцеремонно схватила её трубку. Я уже мысленно приготовился наблюдать, как сейчас между ними начнется типичная девичья борьба за личное пространство, но Леся сидела абсолютно спокойно. Она продолжала писать лекцию, лишь изредка лениво заглядывая в экран прямо из рук моей сестры.

— Боже, ну он и тупой! — громко шикнула Катька на всю аудиторию, закатив глаза.

Я из любопытства слегка наклонился вперед, заглядывая через её плечо. Ну конечно, бл**ь, кто ещё мог так яростно разрывать девчонке телефон? На экране высветился номер Макса.

«*Заеду в 8*», — гласило его последнее лаконичное сообщение.

А следом в чате шла сплошная стена из его безответных реплик. Наша малявка опять врубила свой фирменный тотальный игнор. Макс строчил ей полотна, а в ответ получал глухое, ледяное ничего на протяжении всей их долгой переписки.

Я от этой картины даже тихо заржал в кулак, едва сдерживая эмоции. Мой лучший друг, гроза старших курсов, перед ней чуть ли не на задних лапках пляшет, а она его в упор не замечает и ломает всю его мажорную систему. И тут — бинго! Леся наконец-то соизволила выдать ответ. На экране высветилось короткое и емкое:

«*Отвали*».

Бл**ь, тут меня перекрыло окончательно. Я просто в голос заржал на всю аудиторию, нарушив тишину, отчего девчонки впереди испуганно вздрогнули и разом обернулись ко мне.

— Артём?! — Катька удивленно округлила глаза, уставившись на меня. — Ты откуда здесь взялся?

— Что, прозевала, когда брат в аудиторию вошел? — ухмыльнулся я, лениво откидываясь на спинку стула.

— Брат?.. — едва слышно, испуганным шепотом переспросила Леся, растерянно переводя взгляд с Катьки на меня. Ее огромные карие глазища в этот момент стали еще больше.

— Брат, — согласно кивнул я, забавляясь ее реакцией. — Артём Туманов. Брат Катюшки и по совместительству капитан университетской команды по регби.

Я демонстративно и вальяжно протянул ей руку над партой. Честно говоря, я был на сто процентов уверен, что эта колючая тихоня сейчас проигнорирует и меня, как до этого технично сливала Макса. Но она, немного помедлив, всё же неловко пожала мои пальцы своей тонкой, прохладной ладонью.

— Алексия Попова, — тихо представилась она. И ага, больше вообще ничего не добавила, никакого кокетства или глупых улыбочек.

В следующую секунду они обе синхронно отвернулись обратно к доске, продолжив писать лекцию. А я медленно убрал руку и сжал пальцы в кулак, до сих пор физически чувствуя тепло ее ладони. Приятно ли мне было в этот момент? Безусловно.

Е***ий случай, пронеслось в голове. Ведьма она, не иначе. За секунду умудрилась перевернуть мозги и мне, и Макс-у, даже пальцем ради этого не пошевелив.

Всю оставшуюся лекцию я, как привязанный, тарасился только на её затылок, так и не разжимая кулак, в котором до сих пор горело тепло её ладони. И мысленно проклинал себя на чем свет стоит. Макс же четко сказал в раздевалке: она его, не смей даже думать. Но, бл**ь, она же его отшила! Прямо сейчас на моих глазах за секунду вкатала в асфальт

своим «отвали». Значит, ни хрена она не его. Но Макс — мой лучший друг. И он реально впервые в жизни втюрился по самые уши.

Да ёпта! От этой безысходности и кавардака в голове я со всей дури треснул кулаком по парте. Звук вышел знатный — половина аудитории во главе с преподающей профессурой разом обернулась на мой ряд.

— Туманов, у вас какие-то проблемы? — строго спросил Анатолий Павлович, прервав диктовку.

— Нет, Анатолий Павлович, всё нормально, — я сориентировался за долю секунды и сделал самый невозмутимый вид, активно смахивая с края стола невидимое насекомое. — Просто паук огромный полз. Рука тяжелая, извините, не рассчитал удар.

Препод лишь скептически кивнул и вернулся к доске, а эта мышка впереди... Она что, бл**ь, хихикает?! Я же отчетливо вижу со спины, как у неё плечи мелко подрагивают, а уголки губ предательски дёргаются от смеха. Леся еще раз быстро сверкнула на меня своими огромными карими глазами, в которых сейчас плясали неприкрытые чертики, и тут же отвернулась обратно к тетради.

— Дурак, — громко прошептала Катюка, покосившись на меня через плечо, и с осуждением покачала головой.

— Паук же был, Катюх! Реально огромный! — так же шепотом попытался оправдаться я, но девчонки меня уже полностью проигнорировали, продолжая строчить конспект.

— Эй, — я легонько ткнул Лесю ручкой в бок, привлекая внимание. — Напиши мне тоже конспект, а? У тебя почерк ровный, разборчивый.

— Она тебе что, рукописи на заказ строчит? Сам давай ручкой шевели! — тут же агрессивно вклинилась в разговор Катька, закрывая подругу спиной.

— Я вообще-то не тебя просил, — шикнул я на сестру, закатив глаза. Вот же лезет везде, заноза мелкая.

— Могу прислать фото, — неожиданно спокойно отозвалась Леся, даже не повернувшись в мою сторону и продолжая строчить в тетради. — Распечатаешь иклеишь себе.

— Класс! — я искренне обрадовался такой шикарной перспективе. — А как ты пришлешь? У тебя же вроде нет моего номера?

— Кате пришлю, она тебе переправит, — как ни в чем не бывало отчеканила малявка.

И снова, бл**ь, пролёт. Обрубил все контакты на корню.

— Не, давай напрямую, — я поспешно пошел на таран, пока Катька не испортила всю малину. — Эта злюка сто процентов на меня обидится за «дурака» и пошлет лесом, а я в итоге останусь без лекции.

Я быстро черкнул свой номер на полях, аккуратно вырвал клочок бумаги из тетради и протянул его прямо между ними:

— Сюда отправь, ладно?

— Хорошо, — негромко проговорила она.

Леся забрала листок из моих пальцев, при этом снова едва

ощутимо, слегка коснувшись моей руки. Да что за х**ня-то опять?! Что это за тотальный внутренний шторм от обычного прикосновения? Так, ладно, Артём, соберись, ты просто знатно устал после вчерашней тренировки. Ну посмотри ты на неё повнимательней. Обычная первокурсница. Невзрачная, неприметная мышка в сером балахоне. Ноль косметики на лице. Ноль эмоций. Даже глазками томно не моргает, как Марина и её шкуры, а тупо всех подряд игнорит с ледяным видом.

Дьявол. Не получается себя обмануть. Вообще ни хрена не получается.

— Ладно, пришли мне всё вечером, — негромко проговорил я, максимально близко наклоняясь к её уху и ловя этот сумасшедший виноградный шлейф.

После этого я резко поднялся, наспех сгрэб свои вещи в сумку и, коротко извинившись перед преподавом, пулей вылетел из аудитории в коридор. Мне срочно нужен был холодный воздух, пока я окончательно не сошел с ума прямо на этой лекции.

Ровно в четыре часа дня я уже сидел в раздевалке спорт-комплекса, тупо крутя в пальцах мобильник. В башке намертво засел этот её виноградный аромат и огромные карие глазища. А еще я вспомнил, что по обещанию Катьке должен

сегодня вести эту мышку к ней домой. Ситуация складывалась хуевая. Надо было срочно поговорить с Максом и прояснить всё на берегу. Я не должен был соваться на его территорию из-за девки, портить пацанскую дружбу из-за первокурсницы — это максимально тупо.

В этот момент в раздевалку буквально влетел Макс. Вид у него был бешеный, он с размаху швырнул свою спортивную сумку в стену так, что пацаны вокруг притихли.

— Что произошло? — я сразу поднялся со скамьи, видя, как его трясет.

— Да отец нахрен с катушек опять полетел! — яростно выплюнул Макс, тяжело дыша. — Мать аж в комнате закрылась, забаррикадировалась. Дело у него какое-то крупное в компании прогорело, старик нажрался в хлам и начал крушить вообще всё, что под руку попадалось. Мне пришлось его самолично вырубить и сдать охране. Закрыли его, короче, на цокольном этаже под замок, пускай сидит под присмотром. Поспит, придет в норму — выпустят.

— Ладно, — глухо отозвался я, прекрасно зная тяжелый характер его предка. — А мать твоя как?

— Да нормально, просто попала под горячую руку со своими тупыми выходками. Сколько раз я ей, бл**ь, говорил: не суйся ты к нему, когда он в таком состоянии! Нет, надо же ей обязательно свои пять копеек вставить и начать нотации читать.

Макс устало потер лицо ладонями, а потом резко повер-

нулся ко мне:

— Слушай, Тём... Я попросить тебя хотел. Леська сегодня заканчивает в шесть, у неё там волейбол. Можешь до дома её довести на своем Мустанге? Этот урод Марат... — Макс аж хищно оскалился при упоминании логиста. — Короче, я не хочу, чтобы она с ним на байке уезжала. А тебе я доверяю как самому себе. Мне просто домой пораньше надо вернуться, мать поддержать.

Это его «я тебе доверяю» прямо острым ножом под ребра воткнулось, знатно резанув по совести. Я же всего пару часов назад свой номер из тетрадки вырывал и ей сунул.

— Ладно, без проблем, отвезу, не вопрос, — заставил я себя ответить максимально спокойно. — Предупреди только её сам, чтобы в тачку села.

— Да я уже написал... — Макс уныло махнул рукой, доставая форму. — Но она же молчит вечно, как партизан. Сегодня вообще послала меня куда подальше в чате, прикинь?

Я не выдержал, громко рассмеялся и крепко поцедил его ладонью по спине, пытаюсь хоть как-то разрядить эту паршивую обстановку.

— Но ты, я смотрю, сдаваться вообще не собираешься, да?

— Конечно, нет! — Макс гордо выпрямился, и в его глазах снова вспыхнул этот привычный упрямый азарт. — Раз посылает — значит, это уже какой-никакой, а прогресс! Главное, что не игнорит.

Он вовсю подбадривал сам себя, выстраивая в голове очередную тактику завоевания.

— Тоже верно, — тихо отозвался я, отворачиваясь к своему шкафчику.

В этот момент перед глазами с пугающей четкостью вспыхнуло воспоминание из аудитории: то, как Леся забрала мой листок и как её тонкие пальцы едва ощутимо, мягко прошлись по моей ладони. Прогресс, бл**ь, не иначе. Только вот чей это прогресс и куда он нас всех в итоге приведёт — вопрос был на миллион.

В полшестого Макс опять не выдержал и настроил Лесе очередное сообщение, но она его снова тактично проигнорировала. Ни одной прочитанной галочки, глухая стена. Макс от всей этой ситуации взбесился до такой степени, что со злости чуть не расшиб собственный телефон об пол. Глядя на него в такие моменты, я невольно ловил себя на мысли, что он чертовски сильно напоминает мне его же отца — такой же импульсивный, дикий, абсолютно не привыкший к отказам и чужому «нет».

— Да хорош тебе херней страдать, — спокойно осадил я его, затягивая шнурки. — У неё же волейбол сейчас идёт полным ходом. Мобильник по-любому в раздевалке валяется, она тренируется, а не в экран залипает.

— Точно, верно! — Макс аж подскочил.

Он тут же судорожно сгреб все свои шмотки в сумку и, даже не удосужившись нормально принять душ после нашей тренировки, на всех парах помчался прочь из раздевалки.

— Раз не отвечает, я тогда лично к ней в зал зайду! — уверенно бросил он на ходу и быстро ушагал по коридору.

А я лишь молча смотрел ему вслед, ни хрена уже не понимая в этой жизни. У него дома отец крушит особняк, а он несется караулить первокурсницу. Это была какая-то клиника.

В итоге ровно в шесть вечера я уже сам сидел на скамейке возле их спортивного зала, вытянув уставшие ноги. Дверь была закрыта, изнутри доносился глухой стук мяча и свистки тренера, а я терпеливо сидел в ожидании момента, когда она наконец выйдет в коридор.

Она вышла из дверей спортзала спустя минут десять, весело болтая с какими-то девчонками из своей волейбольной команды. И снова — ноль внимания на меня, вообще в упор не видит, будто я прозрачный.

— Алексия, — негромко пробасил я, поднимаясь со скамейки.

Она знатно вздрогнула от неожиданности и резко обернулась на мой голос. Её подружки тут же шустро ушагали по

коридору, то и дело оглядываясь через плечо и взволнованно шушукаясь между собой. Ещё бы — капитан сборной по регби караулит их новенькую у раздевалки.

— Ты хоть по сторонам иногда смотри, — усмехнулся я, делая шаг к ней и закидывая спортивную сумку на плечо. — Пошли, а то мне тоже домой поскорее надо.

— Артём, послушай... — начала было она, явно собираясь врубить свой фирменный отказ.

Но я тут же поднял ладонь вверх, прерывая её на полуслове и выкладывая свой единственный железный козырь:

— Катька очень сильно просила тебя сегодня отвезти. А ты сама знаешь — если ты откажешься, мелкая обидится, и для неё это будет очередной стресс. Нам оно надо?

Про Макса и его дикий план прийти прямо в зал я даже заикаться не стал — тут этот вариант явно бы не прокатил, она бы точно сбежала через черный ход. Леся замерла, обдумывая мои слова, а потом тяжело, обреченно выдохнула:

— Ладно. Но только один-единственный раз, Туманов. Я и на автобусе прекрасно умею ездить, так что не нужно делать из этого привычку.

— Договорились, — я даже спорить не стал, мысленно празднуя маленькую победу.

Мы вышли на прохладный вечерний воздух и направились к парковке. Я подошел к своему серебристому Мустангу, демонстративно открыл перед ней пассажирскую дверь, и Леся тут же грациозно уселась на кожаное сиденье, аккурат-

но поправляя подол своей короткой кофейной юбки. У меня внутри от этого её плавного движения аж всё перевернулось.

«*Туманов, бл**ь, держи себя в руках!*» — мысленно прошипел я сам себе, с размаху захлопывая дверь, обходя капот и пытаюсь унять бешено застучавший пульс.

Она начала судорожно дергать ремень безопасности, но моя ласточка, видимо, в этот вечер решила подыграть своему хозяину и намертво заклинила фиксатор.

— Прости, заедает что-то в последнее время, — соврал я, даже не поморщившись.

Я резко перекинулся через соседнее сиденье. Наша близость в этот момент стала просто сумасшедшей — я практически вплотную коснулся лицом её шеи, улавливая этот дуррацкий виноградный запах, от которого крыша ехала. С силой дёрнул непослушную ленту, натянул её через её грудь и со щелчком вогнал в замок.

— Спасибо, — тихо проговорила Леся, поспешно усаживаясь поудобнее и вжимаясь в спинку кресла.

Выехав с парковки Вышки на вечерние улицы, я уже прекрасно знал, по какому адресу её нужно везти благодаря вчерашним наводкам Макса. И тут я сам себе оказал настоящую медвежью услугу — вместо короткого маршрута осознанно повез её самой длинной дорогой через набережные, просто чтобы подольше растянуть эти минуты наедине.

— Э-э, можно же было и здесь повернуть, — Алекса удивленно ткнула пальцем в боковое стекло, показывая на пере-

кресток, который мы только что благополучно проскочили мимо.

— Там затор глухой, потеряем кучу времени, — невозмутимо отрезал я, даже не глядя в её сторону. — Авария какая-то на Садовом, я по навигатору заранее проверил.

— Хорошо, — спокойно отозвалась она, принимая мои правила игры.

В салоне повисла тишина, и я решил первым пойти на таран, чтобы хоть как-то завязать разговор:

— Значит, вы с моей сестрой теперь, получается, вообще не разлей вода?

— Не знаю, — Леся продолжала безучастно смотреть в свое окно на мелькающие огни вечерней Москвы. — Если со стороны это смотрится именно так, то пускай будет так.

— Катька сегодня сказала, что ты ради неё специально в бассейн перезаписалась, — я крутанул руль, перестраиваясь в левый ряд. — И теперь у тебя двойная нагрузка, потому что волейбол в деканате отменять наотрез отказались.

— Если ты и так уже всё прекрасно знаешь, для чего тогда спрашиваешь? — она медленно повернула голову в мою сторону, и её взгляд не обещал ничего хорошего.

«А вот и тот самый жесткий откат, о котором мне в раздевалке ввсю ныл Макс», — мысленно усмехнулся я. Сейчас эта колючая мышка пошлет меня на три веселых буквы, и мы всю оставшуюся длинную дорогу будем ехать в гробовом, душающем молчании. Bravo, Туманов, отличный из

тебя переговорщик.

— Просто странно, — я постарался сбавить обороты и говорить максимально спокойно. — Странно, что ты ради малознакомого человека, которого видишь второй день в жизни, вот так запросто жертвуешь собственным временем и силами.

— Не вижу в этом никаких сложностей, — Алекса пожала плечами. — И там, и там расписание ложится идеально. Да и плавать я, если честно, очень люблю.

— Я на самом деле поблагодарить тебя вообще хотел. За Катю, — признался я, и мой голос неожиданно для меня самого стал глубже. — Ну и извиниться заодно. Тогда по телефону я реально полную глупость сморозил, погорячился. Наговорил херни.

Леся наконец-то полностью развернулась ко мне лицом, внимательно разглядывая мой профиль в полумраке салона. На её губах промелькнула едва заметная, но чертовски живая ухмылка.

— Ладно, Туманов. Твои извинения за телефонный бред принимаются, — четко проговорила она. — Но учти сразу: я за свои ответные слова про унитаз извиняться точно не стану. Даже не жди.

Я на секунду опешил от такой поразительной наглости, а в следующую секунду просто громко и искренне рассмеялся на всю машину, чувствуя, как уходит всё это дурацкое напряжение последних дней.

— Годится, Попова! По рукам. Такой расклад меня вполне устраивает.

Добрую половину оставшейся дороги я буквально заваливал её самыми разными вопросами, и она, к моему удивлению, вела себя вполне дружелюбно и спокойно на всё отвечала. Напряжение полностью испарилось, уступив место какому-то странному, непривычному для меня комфорту. Но стоило мне свернуть в её старый двор, подъехать к нужному подъезду сталинки и затормозить, как Алекса вдруг резко замолчала и мгновенно стала предельно серьезной.

— Артём, — тихо, но твердо позвала она.

Она со щелчком отстегнула ремень безопасности, развернулась в кресле и посмотрела на меня в упор своими огромными карими глазами:

— У меня к тебе просьба есть. Но, по большей степени, это вообще-то твоя прямая забота. Твоя девушка Марина после вашей бурной стычки в буфете пообещала Кате устроить «веселую жизнь» в университете. Я, конечно, со своей стороны за Катей тщательно слежу и в обиду её не дам, но и ты, будь добр, следи за своей Мариной. Добром вся эта ситуация явно не кончится, если она полезет к твоей сестре.

— Я услышал тебя, Лесь, — глухо проговорил я, до белых костяшек сжимая руки на кожаном руле.

Внутри всё похолодело от злости на Марину, но в то же время в дурацким эхом набатом забила одна короткая фраза: «*Она думает, что Марина — моя девушка*». Вот откуда

рос этот её ледяной барьер и тотальный игнор.

— Спасибо, что подвез, — спокойно добавила Алекса.

Она открыла дверь и грациозно вышла из машины на прохладный вечерний воздух. Не теряя ни секунды, я торопливо опустил боковое стекло со своей стороны и негромко крикнул ей вдогонку:

— Эй, мышонок!

Леся замерла у самого крыльца и удивленно обернулась. — Она — не моя девушка, — отчетливо, глядя ей прямо в глаза, произнес я. — Но поверь мне на слово: огромные проблемы теперь будут исключительно у неё.

И я с силой нажал на педаль газа. Мощный мотор Мустанга оглушительно взревел на весь тихий двор, и я с пробуксовкой сорвался с места, улетая в ночную Москву. Злость на Марину кипела бешеная.

Вернувшись домой, я первым делом залез в душ, чтобы хоть немного смыть с себя этот безумный вечер. Стоило мне выйти в коридор, вытирая голову полотенцем, как на меня коршуном налетела Катерина. Сестра тут же в ультимативной форме потребовала от меня полный и подробный отчет о доставке её драгоценной подруги домой. На все мои сухие заверения она лишь фыркнула, заявив, что вообще мне не верит, и со всех ног убежала в свою комнату — сто процен-

тов судорожно строчить Лесе сообщения.

Я лишь устало покачал головой, зашёл к себе и без сил грохнулся на кровать. На прикроватной тумбе требовательно завибрировал телефон. Я был на все сто процентов уверен, что это Макс, и, конечно же, угадал.

— Всё супер, друган, — лениво проговорил я в динамик, закинув руку за голову. — Твоя дома. Цела, невредима, даже босоножки целы. Правда, пару раз за дорогу почти нахрен меня послала, но доехали без происшествий, — усмехнулся я.

В ответ на дисплее высветилось короткое и искреннее: *«Спасибо, бро»*.

Я отложил мобильник в сторону, но внутри всё неприятно сжалось — от этого слова «твоя» меня прямо знатно перекосило. Ревность и чувство вины перед лучшим другом завязались в один тугой, х**вый узел.

Не успел я проглотить этот неприятный осадок, как телефон снова пискнул. Прилетело СМС от незнакомого номера. Я лениво открыл чат, и мои брови сами собой полетели наверх от удивления: на экране висели четкие, качественные фотки конспекта по экономике, который я днём в аудитории попросил вообще-то чисто ради шутки и чтобы выбить у неё контакт. Она реально прислала его!

Я тут же, не теряя ни секунды, сохранил её номер в контактах под именем «Мышонок» и набрал сообщение с искренней благодарностью за выручку. Ответ от Леси прилетел

ПОЧТИ МГНОВЕННО:

«В следующий раз сам пиши, Туманов».

«Уверен, я при всём желании не смогу написать всё так детально и красиво, как ты», — отправил я ей в ответ, не удержавшись и прикрепив наглый подмигивающий смайлик.

«Не прибедряйся, — тут же отбрила меня малявка. — Твоя сестра сказала, что ты вообще-то круглый отличник на своём курсе».

Я лежал, глядя на светящийся экран, и на моем лице сама собой расплывалась глупая, довольная улыбка. Моя колючая первокурсница медленно, но верно втягивалась в этот диалог.

«Ради этого отличия я беру дополнительные занятия. Силы выжмает, и не сплю перед сдачами ночами», — отправил я ей, добавив самый несчастный грустный смайлик, на который только был способен.

«Боже-е-е... Бедный ты и несчастный!» — тут же прилетел издевательский ответ.

Я читал эти строчки, и внутри всё переворачивалось. Чёрт, до чего же приятно! Она реально общается со мной, отвечает на каждое сообщение. Это тебе не глухой мороз и не жесткое «отвали», которыми она весь день кормила бедолагу Макса.

«Передай моей сестре подтверждение, что с тобой всё нормально. А то она с меня живого не слезет», — напи-

сал я.

«*Уже ответила*», — высветилось на экране, а следом сразу новое уведомление:

«*Сказала, что ты ехал очень плохо и собрал по дороге абсолютно все ямы. А ещё у тебя ремень безопасности сломан*».

Я в голос заржал на всю комнату, уткнувшись лицом в подушку. Надо же, она ещё и шутит! Подколола меня за этот заклинивший ремень. Чёрт, ладно. Надо срочно завязывать с этой перепиской, пока я окончательно не перешёл все границы.

«*Добрых снов, мышонок*», — набрал я ей, заставляя себя остановиться.

«*Ты меня мышью прозвал?!*» — тут же прилетело в ответ вместе с кучей сердитых смайликов.

«*Нет, ни в коем случае. Мышонок — потому что тихая и милая. Пока*», — быстро настучал я по экрану.

Всё, хорош. Я со злостью отбросил телефон на дальний край кровати. Если я сейчас напишу ей хоть одно гребаное слово — лично разбежусь и впечатаюсь башкой в стену, жестко приказал я самому себе.

Экран тумбочки снова ярко мигнул в темноте. Я не выдержал, перевернулся и потянулся за трубкой.

«*Добрых снов, стена*», — гласило её новое сообщение.
— Бл**ь! — я просто заржал на всю комнату, закрывая глаза руками.

Макс, прости меня, старик... Она сама это делает. Она просто невероятная.

7.

Алексия

Весь день после того дурацкого, скомканного поцелуя уподъезда Максим не давал мне покоя. Точнее, его бурное присутствие началось с самого раннего утра, когда за окном еще даже толком не рассвело. Мой телефон на прикроватной тумбочке вибрировал как сумасшедший, издавая настойчивое жужжание каждые пять минут.

Полина, спавшая со мной на одной кровати, сначала долго и злобно ворочалась. Она несколько раз ощутимо пихнула меня локтем в бок, требуя прекратить этот утренний террор, который не давал ей досматривать сны перед тяжелыми парами в медицинском. Но когда гаджет зажужжал в десятый раз, у сестры окончательно сдали нервы. Она просто со всей силы пихнула меня под одеялом, и я с глухим стуком грохнулась прямо на ковер.

— Эй! — возмутилась я, потирая ушибленный локоть и поднимаясь с пола в своей лавандовой пижаме.

— Лесь, ей-богу, убью тебя прямо сейчас! — яростно прошипела Полина, свешиваясь с кровати и коршуном хватая мой разрывающийся мобильник. Она зажмурила глаза, вглядываясь в экран, и удивленно приподняла бровь:

— Так... Тут тебе какой-то... Э-э-э... Написано: «НЕ ОТВЕЧАТЬ». Это еще что за конспирация?

— Да знаю я! — я сердито вырвала у неё трубку, чувствуя, как щеки предательски обдает жаром. — Прицепился один придурок с третьего курса. Из этих, местных элитных мажоров. Но я же не глупая, чтобы вестись на такое. Так просто я точно не сдамся. Уверена на все сто процентов, что он там со своими пафосными друзьями поспорил в раздевалке, мол, сейчас провинциальную отличницу быстренько раскручу на свидание.

— Жесть... — протянула Поля, мгновенно растеряв всю сонливость. Её глаза азартно блеснули. В следующую секунду она снова ловко перехватила у меня телефон и принялась бесцеремонно листать бесконечную стену входящих СМС.

— Ну, слушай, судя по тексту, криминала пока нет. «Доброе утро, малявка». М-да, прозвище, конечно, верх оригинальности. Дальше: «Э-э-э, как спалось?», «Лесь, ты спишь?». Так, а вот тут наш принц, кажется, уже немного злится из-за того, что ты упорно молчишь. Ага, ага...

— Ну-ка, дай сюда!

Полина, дьявольски ухмыляясь, начала быстро стучать пальцами по клавиатуре.

— Стой! Не пиши ему ничего! — запаниковала я, пытаюсь отобрать гаджет обратно, но было поздно.

Сестра с победным видом нажала кнопку отправки и только потом вернула мне трубку. Я со страхом посмотрела на экран. В чате красовалось лаконичное, жирное: «Отвали».

— Ты совсем, что ли, Полин?! — округлила я глаза, уста-

вившись на неё как на сумасшедшую.

— А что такого? — Поля абсолютно спокойно поправила свои растрепанные светлые волосы и сладко потянулась на подушках. — Зато парень сразу поймет, что к тебе бесполезно соваться, и его нужно жестко отвадить. Меньше слов — больше дела, сестренка.

— Он вчера поцеловал меня, а я ему с самого утра — «отвали»?! — я со стоном рухнула обратно на кровать, закрывая лицо подушкой.

Полина тут же оживилась, подскочила и уселась поудобнее, едва не прыгая на матрасе от любопытства:

— Ну-ка, ну-ка! И чё?! И чё дальше-то было?

— Да ничё! — глухо пробормотала я из-под подушки, чувствуя, как щеки простопопыхают от стыда. — Вырвал меня вчера вечером прямо из лап Марата, силой зашвырнул в свою машину, привез к дому... Стал выяснять, в чём вообще моя проблема и почему я не могу просто нормально с ним пообщаться. А под конец, перед самым подъездом, и вовсе... взял и поцеловал. И просто ушел молча. Я после этого, наверное, еще минут десять в полном ступоре у двери стояла, ключи не могла в замочную скважину вставить! Я должна была просто продолжать его игнорить, ясно тебе?! А ты мне всё испортила своим сообщением!

— Ой, да ладно тебе! Я-то думала, там у вас какая-то неземная страсть была, или тебе сам поцелуй до судорог не понравился, — Полина разочарованно махнула рукой и за-

бавно сморщила нос. — А тут, судя по твоему лицу, всё прошло так, будто случайная муха в губы влетела и улетела. Ты даже не распробовала толком! Но вообще, смотри. Если этот твой мажор так бешено приревновал тебя к Маратику, то тут есть всего два варианта. Либо он реально в тебя втюрился с первого взгляда по самые уши, либо между ним и Маратом идет какая-то старая жесткая стычка, и они просто нашли идеальный путь мести друг другу через тебя.

— Ну зашибись, еще лучше! — простонала я, утыкаясь носом в плед.

В университет я приехала снова с Маратом. По поводу вчерашнего бурного инцидента с похищением мы по дороге даже заговаривать не стали — я еще с вечера предусмотрительно написала ему, что со мной всё хорошо и я без приключений добралась до дома.

Но стоило нам припарковаться у самого корпуса, как нас с Каткой тут же жестко перехватил Макс. Вид у него был бешеный. Он злобно буркнул Марату короткое «пошел нахрен», бесцеремонно утащил нас обеих за руки в пустую аудиторию и со всей силы ткнул мне пальцем прямо перед носом:

— Если я еще хоть один гребаный раз увижу, что ты едешь с этим смертником — лично расшибу его байк в мел-

кую крошку! Поняла меня?!

Я лишь испуганно смотрела на него снизу вверх, чувствуя, как внутри всё сжимается от его бешеного напора. *«Да кто он вообще такой, чтобы мне тут указывать и ставить своидебильные условия?!»* — пронеслась в голове яростная мысль. Но вслух я эту фразу произнести так и не решилась — просто упрямо закусила губу и промолчала. К счастью, после этой сцены Макс куда-то испарился, и больше за весь день я его в коридорах не видела.

Зато потом, на совместной лекции потоков, я умудрилась официально познакомиться с Артёмом Тумановым. Этот экземпляр оказался покруче своего друга: сидел за нашими спинами монументально, словно настоящая каменная стена. Но, по крайней мере, в отличие от Макса, Артём хотя бы не пытался корчить из себя крутого альфа-мачо и давить на меня авторитетом. Обычный парень.

А потом он и вовсе выдал на всю аудиторию, будто паука огромного на парте прихлопнул, когда половина потока чуть со стульев непопрыгала от его оглушительного стука кулаком. Я еле сдерживала смехок, изо всех сил стараясь не прыснуть от смеха на весь ряд — видела же краем глаза, как у него самого кулак затрясся от такой нелепой отмазки. В итоге, когда я согласилась отправить ему фотки своих лекций, Туманов моментально собрал вещи и удрал из зала. Ну конечно, местная элита, зачем им вообще на парах сидеть и время тратить? Сегодня я ему конспекты скину, а завтра ка-

кая-нибудь другая дурочка ради его красивых глаз распишет всю тетрадь.

После пар Катя ушла пораньше — у неё сегодня был очередной обязательный сеанс у маминого психолога, так что я осталась одна и спокойно направилась в спортивный комплекс на волейбол. Максима я игнорировала до победного, честно не отвечая на его гневные СМС, но этого ураганного мажора правила приличия вообще не волновали. Посреди тренировки он просто бесцеремонно ворвался в спортивный зал, на глазах у обалдевшего физрука и притихших девчонок из команды перехватил меня за руку и утащил в темный угол, прижав к стене.

— Поедешь сегодня домой с Тумановым, поняла?! — тяжело дыша от злости, выдал он мне прямо в лицо. — Доедешь с ним, и чтобы сразу после этого отписалась мне, как добралась! Поняла меня или нет?!

— Поняла, — тихо ответила я, упрямо глядя ему прямо в глаза и понимая, что спорить с ним сейчас посреди зала просто бесполезно.

— Супер, — Макс заметно расслабился. Его взгляд неожиданно потеплел, и он как-то совсем мягко, бережно провел большим пальцем по моей горячей щеке. — Напиши мне вечером, пожалуйста, ладно?

Последние слова он проговорил каким-то почти умоляющим, тихим тоном, от которого у меня внутри всё странно сжалось, а затем резко развернулся и быстро вышел из

спортзала.

«Ну и дурак же ты, Максим», — растерянно подумала я, глядя на закрывшуюся дверь и пытаясь унять бешено застучавший пульс, а затем поправила форму и вернулась обратно к игре.

Мой первоначальный план был прост до гениальности: тихонько проскочить мимо его серебристого Мустанга, сделать вид, что я никого не заметила, спокойно уехать на своём трамвае или автобусе, а уже из квартиры Тани отписаться, что я дома и всё в порядке. Но хрен там плавал. Эта каменная «стена» по имени Артём Туманов преспокойно сидела на деревянной лавке прямо у выхода из спорткомплекса, лениво листая телефон.

Я упрямо сделала морду кирпичом и попыталась пройти мимо, но он вовремя поднял голову и негромко пробасил моё имя на весь двор. Девчонки из волейбольной команды тут же заговорщически захихикали, замахали ручками, побросали мне своё трусливое «пока-пока» и мгновенно умчали в сторону метро. Сдала меня банда, даже глазом не моргнув. Туманов подошёл вплотную и даже слова про общественный транспорт мне вставить не дал — тактично, но твердо заткнул все мои робкие возражения упоминанием Катьки и её стресса. Пришлось подчиниться.

Машина у него, конечно, была запредельно дорогая, роскошная, а вот банально починить заклинивший ремень безопасности этот круглый отличник почему-то не удосужился.

Я сидела на переднем сиденье и, как полная дура, судорожно дёргала эту несчастную ленту, которая намертво застряла в пазу.

И тут Артём без лишних слов резко перекинулся через моё сиденье, чтобы помочь. Он оказался так близко, что я аж вся сжалась, вжавшись спиной в кожаную обшивку кресла. Его горячее, ровное дыхание буквально опаляло нежную кожу на моей шее. От этой бешеной близости у меня подкосились ноги, по телу пробежала глухая волна мурашек, и я даже зажмурилась на секунду, боясь лишний раз пошевелиться или сделать вдох. Это было настолько интимно, глубоко и странно, что сердце застучало где-то в районе горла.

Но стоило замкуремня наконец со щелчком застегнуться, как я мысленно со всей силы дала самой себе по башке, возвращая мозги на место. Так, Алекса, стоп! Отрезвись! Ты вообще не из его элитного золотого круга, а он — точно не из твоего тихого книжного мира. К тому же у него есть эта пафосная выдра Марина, которая в буфете обещала Катьке устроить весёлую жизнь. А становиться очередной безмозглой куклой для привлечения его внимания, как эта блондинка, я уж точно не собираюсь. Уж лучше я всю дорогу буду молчать как партизан.

Но Туманов, видимо, каким-то мистическим образом прочитал мои мысли и решил не оставлять мне ни единого шанса на спасительное молчание. Он начал буквально заваливать меня вопросами. Сначала расспрашивал о Кате, ис-

кренне интересуясь, как у неё дела, а потом и вовсе переключился на всякую забавную ерунду, расспрашивая обо мне.

Я сама не заметила, как этот ледяной барьер, который я так усердно выстраивала, дал трещину, и я вовлеклась в разговор. Мы общались на удивление легко, и я даже пару раз не удержалась и подколола его, заставив Туманова искренне рассмеяться.

Но стоило его Мустангу заехать в мой старый двор и затормозить у подъезда, как вся беззаботность моментально улетучилась. Я взяла волю в кулак, со щелчком отстегнула ремень и решила выдать ему всё, что меня по-настоящему беспокоило. Прямо рассказала этому капитану про его пафосную девушку Марину, которая после их стычки в буфете пообещала Катьке усложнить жизнь в университете. Напомнила, что за сестрой он должен следить сам, а не перекладывать это на чужие плечи.

И тут этот каменный наглец, вместо того чтобы оправдываться, вдруг опустил стекло и выдал на прощание, что Марина ему вообще не девушка! А потом, обозвав меня мышонком и пообещав, что проблемы теперь будут только у блондинки, с диким ревом мотора умчал в ночь.

— Да плевать мне, чья она там девка! — злобно прошипела я вслед улетающим красным габаритам его машины, со всей силы дергая ручку подъездной двери. — Выдра она крашенная, и только! А ты — самовлюбленный индюк, Туманов.

Внутри всё почему-то бешено колотилось, а в сумочке уже

настойчиво вибрировал телефон от очередного СМС.

Придя наконец домой, я с огромным наслаждением сходила в душ, смывая с себя весь этот сумасшедший день, плотно поужинала и сразу же открыла чат с Максимом. Тянуть дальше было нельзя — его телефонные уведомления снова разрывали экран как ненормальные.

«Прекрати мне так настойчиво писать», — раздраженно настрочила я ему, устало потирая лоб. — *«Я уже дома, всё нормально».*

«Спасибо, что вообще соизволила ответить», — тут же прилетело в ответ от этого упрямого блондина.

Я лишь со стоном закатила глаза к потолку.

«Доехала без приключений?»

«Да-а-а, Максим, всё абсолютно нормально. Пока», — отрезала я и снова со спокойной совестью отправила его чат в глубокий, беспросветный игнор.

Вся эта его бешеная, непрошибаемая настойчивость уже начинала знатно выбивать меня из привычного внешнего мира. У Макса явно была четкая спортивная цель — во что бы то ни стало вывести меня на эмоции и заставить играть по его мажорным правилам.

Не успела я заблокировать экран, как на связь вышла Катя. Сестра Туманова настойчиво, чуть ли не сослезами в го-

лосе требовала от меня чистосердечного признания: не обижал ли меня её грозный старший брат по дороге и не наговорил ли очередных гадостей. Кое-как успокоив её и заверив, что я не запугана его сломанным ремнем безопасности, я положила трубку.

Вспомнив про обещание, я открыла фотографии своей тетради и переслала Артёму лекции по экономике. В этот же момент я официально переименовала его контакт в телефоне, подписав лаконично: «Стена». Наглый регбист ответил за секунду — сразу же начал подлизываться и забавно оправдываться за свои навыки в учебе. А под конец нашей переписки и вовсе снова посмел назвать меня мышонком.

Я честно хотела промолчать и проигнорировать этот выпад, но всё же не сдержалась, когда он прислал свое финальное: «Мышонок — потому что тихая и милая. Пока».

«Милая, как же, держи карман шире, Туманов», — фыркнула я в подушку.

Я твердо пообещала самой себе, что ни за что на свете не стану верить ни тому, ни другому из этих элитных университетских дружков. В каждом из них сто процентов сидело какое-то своё скрытое корыстное намерение, ради которого они так яростно ко мне пристают. С Максом-то всё и так было предельно понятно — обычный охотничий азарт бабника, который наткнулся на жесткий отказ. А вот Артём... Артём, скорее всего, крутится рядом исключительно из-за Кати, чтобы по-тихому скинуть весь контроль над проблемным

здоровьем сестры на меня и развязать себе руки для своих тренировок.

Близились долгожданные выходные, и я безумно, просто до дрожи в коленях ждала возможности наконец-то передохнуть от этой сумасшедшей, выматывающей недели. А ещё меня ждал байк Марата. Мы твёрдо договорились в субботу в обед встретиться и поехать покататься на их специальной тренировочной площадке, чтобы я вспомнила, как вообще держать руль.

К моему огромному облегчению, сосед ни капли не обиделся на меня за ту дикую вечернюю выходку Макса у крыльца Вышки. Когда я пришла в себя и попыталась извиниться, Марат лишь спокойно махнул рукой и хмыкнул, заявив, что этот блондин — обычный заносчивый козёл, который всегда ведёт себя в своём репертуаре, как и вся его пафосная элитная компания. Зато сам Марат теперь то и дело, как бы невзначай, заводил разговор и расспрашивал меня про Катю.

По его горящим глазам и тому, как он расспрашивал о её расписании, было отчётливо видно: Катька ему по-настоящему, сильно понравилась. А вот сама сестра Туманова при любом упоминании логиста испуганно уходила в глухую оборону, зажималась и обречённо отнекивалась. Она то и дело со слезами на глазах твердила мне, что это глупости и как

вообще она — со своей внешностью и вечными проблемами — может искренне нравиться такому крутому, уверенному в себе парню на байке. Мне стоило огромных усилий переубедить её в обратном.

С самого утра у дяди Серёжи стояла лекция в Вышке, так что мы поехали в университет все вместе на его машине. По пути мы завезли Полину в медицинский. Сестра на прощание крепко обняла нас и со своим коронным страдальческим стоном по поводу дурацкого белого халата уныло убежала в здание.

Затем мы приехали в универ и разошлись с дядей Серёжей по разным сторонам коридора. На вторую половину дня у нас с Катей как раз стояло плавание в бассейне, поэтому я заранее предупредила дядю, что обратно до дома доберусь сама. К моему огромному облегчению, на входе и в центральном атриуме никого из этой пафосной элитной плитки не оказалось — ни Макса, ни Артёма нигде не было видно. Я со спокойной душой и чистой совестью направилась в аудиторию, предвкушая тихий учебный день.

Но не тут-то было. Моё спокойствие рухнуло в ту же секунду, когда дядя Серёжа внезапно вернулся на кафедру и объявил, что в расписании произошли экстренные изменения: пары передвинули, и прямо сейчас у нашего потока на-

чинается объединенная высшая математика вместе с группой третьего курса.

«Пятница обещает быть просто адски сложной», — обреченно подумала я, чувствуя, как внутри всё сжимается от паники. Ведь это означало, что мне придется сидеть со «Стеной» Тумановым целых две пары подряд в одном помещении.

Катя вбежала в аудиторию чуть позже, запыхавшаяся и взволнованная. Мы быстро заняли места примерно посередине огромного лекционного зала. Этот зал был просто невероятно большим, монументальным: с длинными полукруглыми столами и рядами деревянных лавочек, круто уходящими амфитеатром вверх. Ну прямо как в американских фильмах про студентов, не иначе!

Когда тяжелые двери холла распахнулись и в зал шумной, развязной компанией стал заваливаться третий курс, я моментально пихнула Катю локтем в бок и одними губами приказала: «Спрячься!» Мелкая сразу всё поняла без лишних слов. Мы обе синхронно наклонились как можно ниже к партам, буквально зарылись носами в свои раскрытые тетрадки и принялись судорожно, испуганно шушукаться друг с другом, отчаянно молясь про себя, чтобы в этот раз пронесло и нас никто не заметил в этой толпе.

И поначалу всё шло просто идеально — наш план маскировки работал на все сто. Около нашей парты плотно расселись другие ребята, заполнив ряды и спереди, и сзади. Мы с

Катей облегченно выдохнули, решив, что теперь-то нас точно никто не заметит в этом огромном амфитеатре.

Но стоило оглушительному звонку разнестись по коридорам, как прямо за нашими спинами началась какая-то дикая, яростная борьба за козырные места. Кто-то шумно ругался, толкался, и в следующую секунду парочку несчастных первокурсников просто бесцеремонно скинули с лавочек на пол. Грохот стоял знатный. Мы с Катей судорожно, в полном шоке обернулись на этот шум.

— Привет, девчонки, — как ни в чем не бывало проговорил Максим, вальяжно усаживаясь на отвоеванное место прямо позади нас.

Рядом с ним, закидывая сумку на стол, устраивался Артём. Блондин победно улыбнулся и лениво облокотился на парту:

— Ну, как дела?

— До того как вы сюда припёрлись, было намного лучше, — моментально огрызнулась Катя, поправляя очки и сердито разворачиваясь к брату.

— Да мы вообще ещё ничего не сделали! — искренне возмутился Артём, невозмутимо раскрывая свою чистую тетрадь и доставая ручку.

— Уже вполне достаточно того факта, что вы вообще сюда притащились, — буркнула она, сверля его злым взглядом. — Валите вон туда, — она решительно ткнула пальцем на свободные лавки у самого верха амфитеатра. — Всё равно

ведь только болтать будете и мешать всем слушать!

— Обижаешь, Катюх, — Максим ласково улыбнулся, совершенно не обидевшись на её выпад. — Мы сегодня пришли исключительно учиться. Обещаю, будем примерными студентами.

И он, поймав мой взгляд, задорно и многозначительно подмигнул мне. Я лишь демонстративно закатила глаза к самому потолку, резко отвернулась обратно к доске и сделала вид, что высшая математика — это самое интересное, что есть в моей жизни.

Дядя Серёжа усердно рассказывал свой предмет, увлечённо расписывая огромную доску сложными схемами и уравнениями высшей математики. Мы с Катей старательно вели конспект, не отрывая рук от тетрадей, и лишь периодически тихонько перешёптывались по поводу очередной непонятной формулы.

— Да хватит вам болтать, — неожиданно возмутился сзади Максим, которому наш тихий шёпот, видимо, мешал сосредоточиться на созерцании моего затылка.

Но мы его замечание дружно проигнорировали, даже не обернувшись. Ответка прилетела мгновенно: Максим ответил сидевшему рядом со мной парню весомый щелбан, заставив того поспешно отсесть, и ловко перемахнул через спинку своей скамьи, усевшись на освободившееся место прямо со мной на один ряд.

— О, а отсюда доску даже получше видно, — довольно

улыбнулся он, пододвигаясь ко мне вплотную.

Я не успела даже возмутиться, как с другого конца нашей полукруглой лавки послышалась какая-то возня. В следующую секунду Артём бесцеремонно сдвинул Катю в сторону и уверенно вклинился на лавку прямо между мной и моей подругой.

— Сами на нас шипели, а сами без умолку болтаете, — спокойно проговорил он, лениво раскладывая свою тетрадь на нашей парте.

Катя от такой наглости аж раздражённо задышала, прожигая брата гневным взглядом сквозь очки, но сделать ничего не могла — Туманов между нами сидел монументально, как настоящая каменная стена. Пространства на лавке резко побавилось. Нам с Катькой пришлось практически навалиться грудью на деревянную парту, чтобы хоть как-то переглядываться через его широкие плечи. В итоге я осталась зажата в плотных тисках между двумя этими сумасшедшими третьекурсниками, судорожно сжимая в руке ручку и абсолютно не понимая, как пережить эти две пары.

— Малявка, напиши мне тоже конспект, я ни хрена здесь не понимаю, — проворчал Максим, бесцеремонно склоняясь над моим столом и заглядывая прямо в мою тетрадь.

— Максим, ты мне мешаешь! — я упрямо попыталась прикрыть страницу ладонью и отодвинуть тетрадку к себе. — Просто смотри на доску и внимательно слушай преподавателя!

— Вот ты противная какая, — возмутился блондин.

Он демонстративно вздохнул и ещё сильнее вжался в меня плечом. На узкой лавке места не осталось совсем. Из-за его напора мне пришлось инстинктивно податься в противоположную сторону и практически полностью навалиться на Артёма. Но Туманов, к моему удивлению, даже ухом не повёл — сидел неподвижно как скала, лишь его плечо под плотной тканью худи едва заметно напряглось.

— Слушай, ты можешь сесть нормально?! — яростно зашипела на Макса Катя. — Ты на неё давишь, а этот идиот из-за тебя вжимает в парту меня!

Наша возня на среднем ряду амфитеатра не осталась незамеченной. Дядя Серёжа прервал диктовку, опустил мел и строго посмотрел на нашу парту сквозь стекла очков:

— Девочки, у вас там какие-то проблемы?

— Да!— Нет! — одновременно с парнями громко выпалила Катя.

В аудитории повисла неловкая тишина, и все взгляды снова скрестились на нас. Я густо покраснела, но быстро взяла себя в руки и постаралась ответить максимально спокойным, вежливым голосом отличницы:

— Всё нормально, Сергей Владимирович. Нам просто не совсем понятно последнее уравнение на доске. Вы не могли бы его ещё раз объяснить?

— Конечно, Алексия, — дядя Серёжа тепло улыбнулся и снова повернулся к доске. — Вы только первый курс, это

нормально. Со временем вы обязательно привыкнете к этим сложностям высшей математики.

— Да мы и сами им всё объясним, Сергей Владимирович!
— весело и нагло подал голос Максим со своего места. — Поможем младшему поколению, так сказать, освоить материал.

И под эти слова он по-хозяйски приобнял меня за плечи, окончательно прижимая к себе. Мои щёки мгновенно залил густой, пунцовый румянец от этой бешеной, непозволительной близости на глазах у всего потока.

От этой наглой, хозяйской ладони на моём плече сердце испуганной птицей выпрыгнуло куда-то в горло. По венам мгновенно разлился обжигающий, удушливый жар. Мне показалось, что треск моего разрывающегося от смущения сердца услышала вся аудитория. Сотня пар глаз смотрела прямо на нас, и в этом замершем пространстве я ощущала себя как под прицелом выжженного софита.

«*Что он творит?!*» — паническая мысль набатом заби-лась в висках.

Внутри всё сжалось от дикой смеси злости, растерянности и странного, пугающего трепета, который я отчаянно пыталась в себе заглушить. Пальцы, сжимавшие ручку, побелели от напряжения. От Максима пахло чем-то дорогим, цитрусовым и опасным — этот запах буквально заполнял весь мой личный круг, не оставляя кислорода для вдоха. Его тяжелое, горячее плечо давило сверху, клеймило, заявляя права, ко-

торых я ему никогда не давала.

Я замерла, боясь даже вздохнуть, чтобы случайно не коснуться его еще сильнее. Но самое ужасное происходило с другой стороны. Навалившись от толчка Макса на Артёма, я кожей чувствовала, каким каменным, неестественно жёстким стало его тело. Туманов не двигался, но от него веяло таким бешенством, что у меня по спине пробежали мурашки. Это было похоже на затишье перед настоящей бурей. Одно неверное движение — и эта парта разлетится в щепки.

— Руки убрал, — едва слышно, одними губами, прошипела я Максу, отчаянно пытаюсь сбросить его ладонь и не привлечь при этом повторное внимание дяди Серёжи.

Но блондин лишь самодовольно ухмыльнулся, явно наслаждаясь произведённым эффектом и моей беспомощностью. Катя рядом со мной яростно заскрипела зубами, готовая, кажется, вонзить циркуль Максиму в бок. Каждая секунда этой невыносимой близости тянулась как вечность, а краска стыда на моих щеках, казалось, становилась только ярче, превращая меня в живую мишень для сплетен всего первого курса.

Едва ощутимый, но ледяной жест Артёма заставил Максима мгновенно отпрянуть. Взгляд Туманова, скользнувший по моему пылающему лицу, был быстрым, но в нём сквозило что-то такое, от чего у меня перехватило дыхание — смесь раздражения и неожиданной, почти осязаемой защиты.

— Сейчас из-за тебя нас всех выгонят, — процедил Ар-

тём, и его голос прозвучал как удар хлыста, низко и угрожающе. — Нам привычно, а она новенькая.

Натянутая струна между ними, казалось, звенела на всю аудиторию. Максим недовольно повёл плечом, насупился, но руку послушно убрал. Ощущение свободы вернулось так резко, что я наконец-то смогла сделать полноценный вдох, хотя сердце всё ещё бешено колотилось в груди. Обида, злость и упрямство бурлили во мне гремячей смесью. Они думают, что могут устраивать здесь свои разборки, используя меня как живой щит?!

— Вообще-то, это мой дядя, — едва слышно, но максимально твёрдо проговорила я, покосившись на Сергея Владимировича и указывая кончиком ручки в сторону доски.

Парни синхронно замерли. Я почувствовала, как они оба буквально вытянулись по струнке от неожиданности.

— И у вас будут проблемы у обоих, если не отвяжетесь, — добила я, не давая им вставить ни слова.

Я решительно уткнулась в тетрадь, изо всех сил стараясь делать вид, что увлечена исключительно лекцией. Пальцы до дрожи сжимали ручку, выводя неровные строчки. Голова гудела. Половину важного материала я уже безнадёжно прослушала из-за этих двоих. *«Придётся заниматься с дядей дома»*, — с тоской и глухим раздражением подумала я про себя, представляя, как Сергей Владимирович будет качать головой, глядя на мои пробелы в конспекте.

Моя угроза, на удивление, подействовала безотказно.

Парни мгновенно подобрались. Наглая расслабленность Максима куда-то испарилась, а Артём сел идеально ровно, уставившись на доску с самым независимым видом. Но легче мне не стало. Наоборот — они оба выпрямились и теперь теснили меня плечами по обе стороны. Я оказалась зажата в тиски между ледяным спокойствием Туманова и затаённым, горячим азартом Макса. Каждое их мимолётное движение, каждый вдох ощущались кожей. До конца пары оставалось ещё тридцать минут, и эти тридцать минут обещали стать для меня настоящим испытанием на прочность.

Как только прозвенел спасительный звонок на перерыв, Катя не выдержала первой. Она с силой дёрнула своего брата, Артёма, за рукав худи на себя, освобождая нам путь.

— Дай пройти уже ей, мы в столовку пошли! — громогласно заявила она на всю аудиторию. — Есть охота до безумия!

К моему удивлению, Артём не стал спорить. Он послушно и на редкость плавно вышел со своего места, делая шаг в проход и пропуская меня. Я почувствовала облегчение, смешанное с уколом благодарности, и тут же схватила со стола телефон, спеша поскорее выбраться из этой ловушки вслед за Катей.

— Зачем тебе мобильник?! — полетел мне в спину возмущённый, громкий крик Максима. — Ты всё равно не отвечаешь!

Я затормозила у самого выхода, не выдержав, и оберну-

лась. Демонстративно, медленным жестом поправив растрепавшиеся волосы, я посмотрела прямо в его недовольное лицо и с самым независимым видом отрезала:

— Кому надо, тому отвечаю, Максим.

Лицо блондина мгновенно потемнело. Он нахмурился, в его глазах вспыхнул опасный азарт, и он резко сорвался с места, огромными шагами догоняя меня.

— Ах ты мелкая негодяйка! — шуточно, но угрожающе прорычал он.

От неожиданности и нахлынувшего адреналина я звонко запищала и ринулась вон из аудитории. От страха быть пойманной я практически ничего не видела перед собой и в дверях чуть не сбила Артёма с ног, буквально врезавшись в его крепкую грудь. Чудом удержав равновесие, я спряталась за его широкую спину, как за надёжный щит, и на бегу выкрикнула:

— Угомони своего психа, Туманов!

Я ожидала от Артёма привычной мрачной мины или очередного колкого замечания, но вместо этого услышала то, чего никак не ожидала. Артём лишь искренне, раскатисто рассмеялся, и этот низкий, бархатный звук заставил моё сердце пропустить удар.

— Иди сюда, мелкая! — доносился сзади громогласный крик Максима.

Коридор института мгновенно превратился для меня в полосу препятствий. Студенты оборачивались, кто-то удивлён-

но шараялся в стороны, а у меня внутри всё ходило ходуном от гремучего коктейля из страха, весёлого безумия и бьющего через край адреналина.

— Кать, поставь ему подножку! — на бегу отчаянно закричала я подруге, устремляясь в самую глубь людской толпы в надежде затеряться среди старшекурсников.

Но эта предательница даже не подумала мне помочь! Оглянувшись на секунду, я увидела, что Катя вместе с Артёмом лишь покатываются со смеху, глядя на моё позорное бегство. Туманов вообще выглядел непривычно расслабленным — его весёлый, открытый смех до сих пор звенел у меня в ушах, заставляя щёки гореть ещё сильнее. Ну спасибо, бросили на растерзание блондинистому монстру!

Вдруг впереди, прямо посреди бурлящего потока людей, я заметила знакомую широкую спину. Марат! Это был мой единственный шанс на спасение.

Я на полной скорости подлетела к нему и, резко затормозив, буквально впечаталась в его спину, прячась за парнем, как за бетонной стеной. Пальцы намертво вцепились в ткань его куртки.

— Не шевелись! — тяжело дыша, на одном выдохе приказала я.

Марат от неожиданности дёрнулся, но, вовремя заметив краем глаза несущегося к нам на всех парах Максима, мгновенно всё понял и замер как вкопанный, загораживая меня от опасности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.